Из семейной хроники Гоголей

Мемуары Ольги Васильевны Гоголь-Головни

Полтава
ООО «АСМИ»
2013

УДК 821.161.1–94
ББК 83.3(4=РОС)1–8,2
И32

Печатается по изданию:

Из семейной хроники Гоголей. (Мемуары Ольги Васильевны Гоголь-Головни)/ О.В. Гоголь-Головня ; ред. В.А. Чаговец. – : Газета “Киевская мысль”, 1909. – VIII, 81 с., [7] л. факс. : ил. : тв. влад. пер. ; 25 см. – Штамп библиотеки (Читальня имени И.С. Тургенева) с. 17, 33, 79.

И32 **Из семейной** хроники Гоголей. Мемуары Ольги Васильевны Гоголь-Головни [Новое изд.]: Перепеч. – Полтава: ООО “АСМИ”, 2013. – 116 с.

ISBN 978-966-182-226-8

Данная книга является перепечаткой известных мемуаров «Из семейной хроники Гоголей» младшей сестры писателя Ольги Васильевны Гоголь-Головня, изданных в 1909 г. в Киеве с комментариями Всеволода Чаговца.

УДК 821.161.1–94
ББК 83.3(4=РОС)1–8,2

© О.В. Гоголь-Головня, 1909.
© В. Чаговец, комментарии, 1909.
© ООО «АСМИ», оформление, 2013.

ISBN 978-966-182-226-8

891.73
G55
CG557

ИЗЪ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ ГОГОЛЕЙ.

(Мемуары Ольги Васильевны Гоголь-Головни).

КІЕВЪ
Типография Р.К. Лубковскаго, Б-Владимирская ул. №46, Телефонъ №5.
1909.

Фотоциникографія С. В. Кузьменко, Кіевъ.

Нѣсколько словъ о „Семейной хроникѣ“.

Въ одномъ изъ писемъ Гоголя мы находимъ слѣдующія строки, обращенныя къ его сестрѣ, Ольгѣ Васильевнѣ, мемуары которой читатель встрѣтитъ ниже: „Какъ мнѣ пріятно писать къ тебѣ, добрая сестра моя, Ольга, пріятно потому, что ты уже возлюбила Бога больше всего на свѣтѣ, оттого и письмо твое проникнуто тѣмъ спокойствіемъ и той твердостью вѣры, которыхъ я не встрѣтилъ въ письмахъ старшихъ сестеръ твоихъ... Оттого и любовь къ тебѣ у меня поселилась теперь родственная, и мнѣ кажется, какъ будто ты точно моя родная сестра“...

Этими словами вполнѣ ясно опредѣляется ихъ взаимныя отношенія, а потому намъ особенно дороги воспоминанія любимой сестры Гоголя, сестры не только по крови, но и по духу, ибо отъ нихъ вѣетъ благоговѣніемъ, любовью и правдой, наиболѣе цѣнными и рѣдкими благоуханіями во всѣхъ подобныхъ письмахъ, воспоминаніяхъ и разсказахъ современниковъ и родныхъ о великихъ людяхъ.

Не впервые на страницахъ русской печати появляются воспоминанія, касающіяся семьи Гоголей, и, кажется, будто атмосфера семейныхъ отношеній выяснена вполнѣ достаточно и опредѣленно. Даже въ области, затрагиваемой мемуарами Ольги Васильевны Г., мы имѣемъ такіе цѣнные опубликованные матеріалы, какъ воспоминанія Елизаветы Вас. Быковой (ур. Гоголь („Русь“, 1885 г. № 26), а также воспоминанія Марьи Ивановны и Анны Вас. Гоголь, достаточно использованныя покойнымъ Шенрокомъ и до него Кулишомъ,

и мн. др. Но въ цѣломъ, сознательно или безсознательно, въ этихъ мемуарахъ и въ ихъ использованіи авторы не могли отрѣшиться отъ сантиментальной идилліи и потому многія стороны семейныхъ отношеній представляются современному читателю завуалированными розовой дымкой... Такова идиллія о бракѣ родителей Гоголя... Какая-то страница изъ „Павла и Виргиніи"... Такова идиллія о поэтическихъ мечтаніяхъ, заполнявшихъ жизнь Василія Аѳанасьевича, отца поэта. И печальнѣе всего—давно выработанная въ шаблонъ идиллія о меценатствѣ Трощинскаго, этого украинскаго Петронія, и его отношеніяхъ къ семьѣ Гоголей.

Сорвите розовые покровы—и передъ вами юная мученица-мать, окруженная огромной рахитичной семьей, съ болѣзнями, калѣчествомъ и ранними смертями... За „поэтическими мечтаніями" Василія Аѳанасьевича—тяжелая, прозаическая, изнурительная и унизительная служба у богатаго „родственника", который порою не удостаивалъ и слова пріѣхавшую погостить семью Гоголей. А роль мецената и его наслѣдниковъ должна предстать совершенно въ иномъ свѣтѣ, если припомнить, какъ памятны были семьѣ поэта ихъ благодѣянія. Какъ тяжело было Гоголю обращаться къ А. А. Трощинскому за сторублевыми вспомоществованіями въ первое время полуголоднаго существованія въ Петербургѣ. А какъ тяжело было вдовѣ, Марьѣ Ивановнѣ, расплачиваться съ наслѣдниками мецената за оказываемыя имъ благодѣянія. Объ этомъ пишетъ сама Марья Ивановна Гоголь. „Ангелъ мой, благодѣтель, Дмитрій Прокофьевичъ (Трощинскій) платилъ за меня въ казну и рѣдко отъ меня принималъ и, видно, для памяти писалъ у себя, сколько я ему должна, и вышло 4,060 р. сер., и сія записка нашлась. И мнѣ платить сіи деньги. Но такъ какъ никакого средства ихъ нѣтъ мнѣ уплатить, то я предложила Андрею Андреевичу (наслѣднику) принять Яреськовское мое имѣніе, состоящее изъ 10 десятинъ. (Здесь, очевидно, ошибка, ибо по имеющемуся у меня плану, въ

этомъ урочищѣ- значится около 100 десятинъ: пахатной—35 д., сѣнокоса—42, подъ прудами 16 д.; значитъ, вѣроятнѣе считать 100 десятинъ, въ круглой цифрѣ, что, по разсчету М. И., могло компенсировать долгъ. Но—вышло не такъ, о чемъ говорится ниже. В. Ч.). Онъ согласился, но только не даетъ и по 30 р. за десятину, и выходить, что имѣнія лишусь и долгу не уплачу. Но да будетъ воля Божья!! (Шенрокъ. Матеріалы. Т. I, стр. 68).

Вотъ какая дѣйствительность таится подъ идиллическимъ покровомъ благодѣтельнаго меценатства Трощинскаго. „Петроній", который лѣниво позѣвывалъ, когда ему на потѣху кривлялись шуты, „шутили" дворовые и служилые люди и плакалъ пьяными слезами о. Варфоломей, стараясь оторвать отъ стола приклеенную сюргучомъ бороду,—этотъ Петроній слишкомъ мало интересовался тѣмъ, кто и что вырастаетъ въ семьѣ его бухгалтера и эконома, бѣднаго родственника Василія Аѳанасьевича Гоголь-Яновскаго.

Если и были зерна поэзіи, если и были грезы,—онѣ разбивались о твердый, суровый гранить печальной правды.

И потому тѣмъ цѣннѣе тѣ немногія мгновенья радости, которыя изъ разбитой скудельницы счастья падали на семью Гоголей. И главною радостью былъ сынъ Николай, котораго мало знали въ его семье, какъ великаго поэта, но ценили, какъ опору и надежду въ трудную пору жизни. Его такъ мало знали, что родная мать была одно время уверена, что онъ пишетъ подъ именемъ барона Брамбеуса, къ великому огорченію Гоголя, рекомендовавшаго цѣнить его, какъ человѣка и какъ любящаго сына.

Именно это „человѣческое", можетъ быть, даже слишкомъ человѣческое, лежитъ въ основѣ ихъ взаимныхъ отношеній, подававшихъ нѣкогда поводъ Бѣлозерской заклеймить Гоголя-сына именемъ черстваго эгоиста, неумѣвшаго, якобы, оцѣнить всѣ тѣ жертвы, которыя были принесены

ему всей семьей и въ особенности матерью, и съ другой стороны вызвавшихъ совершенно обратную характеристику подъ перомъ Черницкой, свалившей тяжесть всего обвиненія на мать. (См. „Рус. Стар.“, 1887 г., III и „Ист. Вѣсти.“, 1889 г., X, XI).

Гоголь понималъ свои обязанности, какъ сынъ и братъ, и скорби семьи были его скорбями. А такихъ скорбей было много.

Съ этой атмосферой жизни и отношеній мы наиболѣе знакомимся по печатаемымъ ниже мемуарамъ.

Безыскуственны они, порою не связаны ни хронологической, ни логической послѣдовательностью. Но они свято правдивы и глубоко искренни. Человѣкъ, писавшій ихъ на склоне дней своихъ, не задавался иными цѣлями и побужденіями, кромѣ желанія оставить послѣ себя память о томъ, чему свидѣтелемъ Господь его поставилъ.

Для тѣхъ, кто хоть минуту находился въ обществѣ этой безгрѣшной, глубоко-чтимой во всей округѣ „божьей старушки“, „бабушки“, какъ называли Ольгу Васильевну всѣ окрестные жители,—не существовало, не могло существовать и тѣни подозренія, чтобы въ ея разсказахъ, въ ея воспоминаніяхъ гдѣ-нибудь были взяты невѣрные тона, или слишкомъ густые, или сознательно затуманенные, или слишкомъ лазурные.

И съ первыхъ-же строкъ, съ первыхъ-же словъ—читатель или слушатель зачарованъ простой, иногда наивной, но всегда кристалльно правдивой рѣчью. И мало-по-малу, онъ во власти духа „Семейной хроники“...

Передъ нимъ проходятъ картины нерадостнаго дѣтства, печальнаго, скитальческаго воспитанія - обученія, картины праздниковъ и траура, внутренняго настроенія... И лишь изрѣдка зазвучатъ меланхолической, эоловой гармоніей сказанья о семейномъ другѣ и богѣ, какимъ рисовался въ вооб-

раженіи автора нашъ поэтъ, Николай Васильевичъ или, въ семьѣ, „Никоша“ Гоголь.

Мало-по-малу, узоръ за узоромъ, рисунокъ за рисункомъ, штрихъ за штрихомъ—и возсоздается полная картина внѣшняго и внутренняго быта семьи Гоголей, съ причудами и примѣтами, съ вѣрой въ три свѣчи и въ дурные сны, и въ то, что новый домъ заложенъ „на мужскія головы“, и въ критическіе дни—словомъ, все наше старосвѣтское язычество, трогательное и въ правдѣ, и въ искусстве, какъ оно отображено въ скорбной идилліи объ Аѳанасіи Ивановичѣ и Пульхеріи Ивановнѣ.

И почувствуетъ читатель, какъ духовно близко всей семьѣ мистическое начало, какъ сладостно было тамъ богоисканіе и богоносительство, и, быть можетъ, многое уяснитъ онъ себѣ изъ того, что иначе казалось ему непонятнымъ или недостаточно объясненнымъ въ самомъ Гоголѣ. Это —о внутреннемъ.

Что касается внѣшняго – то здѣсь неисчерпаемый источникъ, къ которому, надѣемся, не разъ будутъ обращаться біографы. Мать, сестры, тетушки, зятья—такая характерная фигура, какъ Трушковскій, — дѣдушки и бабушки, со свѣтомъ и тѣнью, на фонѣ дореформенной Руси эпохи помѣщичьяго оскудѣнія и въ спокойномъ ожиданіи грядущаго—кризиса для однихъ и обновленія для другихъ – всѣ они очерчены строго и резко, какъ на тѣхъ старинныхъ портретахъ, которые украшали стѣны стараго гоголевскаго дома, и часть которыхъ воспроизведена съ возможной точностью ниже, какъ иллюстраціи къ тексту.

На родинѣ Гоголя – гоголевщина умерла. Ея смерть описана однимъ изъ послѣднихъ въ родѣ, сыномъ Ольги Васильевны, В. Я. Головней. Читатель найдетъ это описаніе ниже.

Но тогда, когда я посѣщалъ гоголевскія, близкія мнѣ, мѣста, и подолгу, по цѣлымъ мѣсяцамъ дышалъ атмосферою

стараго дома и его преданій, — это было въ 1901—3 году— тогда еще жило многое. Покрытыя багрянцемъ близкаго умиранія, какъ листья роскошныхъ кленовъ, посаженныхъ рукою поэта, молчаливыя, какъ заснувишій гоголевскій прудъ, затянутый сизо-зеленой тиной и полузаросшій высокимъ камышомъ,—эти преданія тогда сами просились на полотно художника, и не ихъ вина, если не нашлось тогда ни достойной кисти, ни теплой, смягченной любовью, палитры.

Я не могу забыть вечернихъ разсказовъ—у стараго-ли клавесина, подъ портретами, или на крылечкѣ, подъ тѣнью липъ и сирени, въ теплый лѣтній вечеръ, разсказовъ о быломъ, оживавніемъ въ устахъ живого свидѣтеля, любимой сестры о любимомъ братѣ.

И, передавая мнѣ свои воспоминанія, цѣнныя, какъ повѣсти временныхъ лѣтъ, Ольга Васильевна скромно говорила: „кому они нужны, кому интересно читать мое писаніе, если уже забыли и брата... Теперь все другіе пошли... И кому нужно знать, что есть на свѣтѣ я? Меня знаютъ вотъ здѣсь старухи, бабы, мужики, которыхъ я лечу, знаетъ сынъ, семья. Вотъ и все“...

И даже тогда, когда Ольгу Васильевну избрали почетнымъ членомъ историческаго общества Нестора-Лѣтописца, и я счелъ пріятнымъ долгомъ переслать ей дипломъ, она и тогда отвѣчала мнѣ письмомъ, въ которомъ искренне признавалась, что все это ей кажется теперь ненужнымъ... „Они узнали меня только потому, что я сестра Гоголя. Но для нихъ это великій писатель, а для меня онъ главное— другъ и братъ, со смертью котораго я потеряла радость жизни“.

Поспѣшность, съ которою тогда мы готовились къ юбилею пятидесятилѣтія со дня смерти Гоголя, помѣшала мнѣ использовать имѣвшіеся у меня матеріалы, и я ограничился лишь тѣмъ, что напечатано въ юбилейномъ сборнікѣ, изданномъ кіевскимъ историческимъ обществомъ Нестора-Лѣто-

писца, подъ редакціей покойнаго проф. Н. П. Дашкевича,— имѣя въ виду наступающее въ 1909 году столѣтіе со дня рожденія великаго писателя.

Этого дня ожидала и Ольга Васильевна, обѣщая къ тому времени довести до конца свои мемуары—„если что еще припомню интереснаго, и если будетъ подходящее время“.

Но — судьба судила иначе. Въ 1907 году, 5 декабря, Ольга Васильевна умерла. И съ нею умерла гоголевская старина. Вѣчная ей память!..

Думается, что дорогія мѣста, запечатлѣнныя памятью Гоголя, какъ и родные пушкинскіе уголки,—по примѣру того, какъ это сдѣлано въ отношеніи Гете, Шиллера и Шекспира ихъ признательными соотечественниками, — должны избѣжать общей участи нашихъ святынь... Достаточно уже того, что въ домѣ Некрасова помѣщается постоялый дворъ!..

И если отнестись къ гоголевскимъ мѣстамъ съ любовью,— можно и должно сдѣлать достойное великаго имени, связаннаго съ ними.

Что касается печатанія настоящихъ матеріаловъ, то оно предполагалось раньше въ юбилейномъ изданіи Академіи Наукъ.

Но имѣя въ виду, что академическія изданія не предназначаются для широкаго распространенія, и полагая, что опубликованіе этихъ матеріаловъ „Изъ семейной хроники Гоголей“ представляетъ не только спеціальный, но и общелитературный интересъ, связанный съ юбилеемъ столѣтія со дня рожденія Гоголя, я воспользовался возможностью печатанія ихъ здѣсь, на мѣстѣ, тѣмъ болѣе, что со стороны редакціи и г.г. издателей „Кіевской Мысли“ я увидѣлъ самую любезную готовность предоставить мнѣ всѣ средства не только къ печатанію текста, но и къ дополненію его всѣми имѣющимися въ моемъ распоряженіи данными...

Кромѣ иллюстрацій, помѣщаемыхъ въ текстѣ „Хроники“ и приложеній, въ виде автографовъ Гоголя и другихъ, связанныхъ съ его именемъ, документовъ, мы помѣщаемъ исполненный въ краскахъ портретъ Гоголя съ рѣдкаго оригинала кисти Моллера, относящагося по всѣмъ даннымъ къ 1837 г., къ эпохе пребыванія поэта въ Римѣ послѣ созданія „Ревизора“.

Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это было необходимо, я обращался за содѣйствіемъ къ сыну Ольги Васильевны, В. Я. Головнѣ, любезно дѣлившемуся со мной своими свѣдѣніями.

Всеволодъ Чаговецъ.

1909 года, 4-го марта,
г. Кіевъ.

Старый домъ Гоголей.

Мемуары Ольги Васильевны Гоголь (Головни).

Сегодня, 19 марта 1895 года, минуло мнѣ 70 лѣтъ. Въ день моего рожденія вздумалось мнѣ записать на память, что помню изъ моей жизни. 1825 года, 19 марта, явилась я на свѣтъ Божій, и, конечно, какъ я двѣнадцатая у матери[1]), то ей не было той отрады, какъ тогда,

---

1) Печатая мемуары Ольги Васильевны Гоголь (Головни), мы сохраняемъ въ неприкосновенности и стиль, и манеру письма, и лексическія особенности, даже если бы онѣ почитались неправильностями съ точки зрѣнія обычной литературной рѣчи. Человѣкъ писалъ, какъ онъ говорилъ. А говорилъ онъ тѣмъ языкомъ,который образовался изъ сліянія двухъ главныхъ стихій: великорусской (въ такомъ случаѣ только книжной) и украинской, стихіи того народа, среди котораго протекало дѣтство нашего поэта и почти все житіе беззавѣтно и свято преданной ему, его сестры Ольги... Оттуда и „провинціализмы", оттуда и "варваризмы". Но отъ нихъ вѣеть неподдѣльной, старосвѣтской стариной, вь данномъ случаѣ имѣющей свою особую цѣнность.

Всякія замѣчанія и объясненія, въ интересахъ большаго удобства, мы даемъ позади текста подъ общей нумераціей.

когда старшіе родились, а тѣмъ болѣе, отецъ былъ боленъ и не былъ при ней. Онъ лѣчился вь Кибинцахъ у Трощинскаго и тамъ онъ умеръ[2]).

Воображаю горе моей матери: черезъ двѣ недели послѣ родовъ привезли тѣло моего отца и похоронили въ оградѣ за церквой. Что было съ нею, и какое чувство она имѣла ко мнѣ, не знаю, только, по разсказу, она была убита горемъ, ничего не хотѣла ѣсть и довела себя до того, что ее насильно заливали бульономъ и не могли раскрыть рта—стиснуты зубы—и ей чѣмъ-то разжимали зубы и вливали бульонъ. При ней тогда были отецъ и мать и ничего не могли сдѣлать. Наконецъ, ея любимая тетка, Анна Матвѣевна Трощинская, у которой она и воспитывалась, и которая ее и замужъ выдала, и выбрала ей сама жениха, когда матери минуло только 14 лѣтъ (Она еще не успѣла испытать, что такое любовь, она была занята еще куклами, но, по приказанію или по совѣту тетки, должна была повиноваться, несмотря на то, что она была первая красавица, а отецъ, говорятъ, былъ некрасивъ)—и эта-то тетка только могла на нее повліять[3]). Потомъ она начала поправляться. Ее развлекали двоюродные братья и сестры, которые постоянно гостили у насъ и этимъ разбаловали ее

М. И. Гоголь (мать поэта) въ молодости.

такъ, что она только собой была занята. На дѣтей мало обращала вниманія. Насъ было четыре дѣвочки, отъ четырехъ лѣтъ до двухъ недѣль, а старшихъ отецъ пристроилъ: брата въ Нѣжинъ, а сестру Марію къ Старицкому[4]). Тамъ была учительница— нѣмка. Говорятъ, отецъ любилъ нѣмецкую аккуратность, вотъ ему и хотѣлось, чтобы и его дочь была аккуратна. Эта же сестра потомъ насъ учила. Она считалась въ то время очень образованной, знала языки, по-французски свободно говорила[5]). Помню, она всегда любила читать Пушкина стихи. Какъ только кто-нибудь пріѣзжалъ—такъ сейчасъ читала. Вѣроятно, тогда только они вышли въ печать, потому что въ большой модѣ тогда были. Но она недолго пожила: была замужемъ всего четыре года, имѣла трое сыновей, изъ нихъ двое умерло, остался одинъ старшій Николай. Четыре года была вдовой и отъ скоропостижной чахотки скончалась.

О.В. Гоголь-Головня († 5 дек. 1907 г.).

Брату было 19 лѣтъ, какъ онъ окончилъ Нѣжинское училище. Сейчасъ же поѣхалъ въ Петербургъ и тамъ самъ себѣ открылъ дорогу.

Какъ братъ проводилъ время дома, когда пріѣзжалъ на праздники изъ Нѣжина—не знаю, а только по письмамъ къ матери, въ которыхъ онъ просилъ прислать холста—„мы затѣваемъ театръ“, —а въ другомъ письмѣ—„пришлите желтую коляску, я съ товарищемъ пріѣду“,— а товарищъ его, Данилевскій, тоже къ своей матери ѣхалъ на праздники, недалеко отъ насъ. Также попадалось мнѣ его письмо изъ Петербурга, въ которомъ пишетъ матери: „пришлите мнѣ, малороссійскія пѣсни и разныя прибаутки, это будетъ мнѣ хлѣбъ“. А въ другомъ письмѣ писалъ, что у него украли

тѣ пѣсни, которыя мать посылала. Дальше не знаю, посылала ли она еще. Да, еще въ одномъ письме писалъ: „продайте хотя лѣсъ или что у васъ есть и пришлите мнѣ 900 рублей, больше я никогда не буду у васъ ничего просить, за это заберу сестеръ въ Петербургъ и на свой счетъ отдамъ въ институтъ“ [6]).

Дѣтство наше мало знаю. Кое-что немного помню. По разсказу, у старшихъ двухъ сестеръ была няня, дѣвица, дальняя родственница моего отца, а для насъ младшихъ—прислуга. У насъ обѣихъ была аглицкая болѣзнь. Старшая двухъ лѣтъ умерла, а я сильнѣе ея—была больна и выдержала. Говорятъ, до пяти лѣтъ не могла ходить. Я даже помню, какъ начинала ходить, бралась за стѣну и стулъ, а безъ того не могла ходить. Помню, какъ я оглохла. У меня постоянно текло изъ уха и мнѣ затыкали ухо корпіей. Мнѣ тогда было 6 лѣтъ. Я случайно заткнула корпію глубоко, а прислуга думала, что потеряла, и затыкала новой. Потомъ няня замѣтила, что я совсѣмъ оглохла, и позвали бабу; она вставляла въ ухо какую-то трубочку. Послѣ мать жаловалась, что я оттого оглохла, что безъ нея меня стали лѣчить. И такъ, я росла, несчастная, со своей глухотой, на всю жизнь. Вотъ, что значитъ безпечность родителей. Мнѣ было семь лѣтъ, когда меня стали учить: буки-азъ, ба, вѣди-азъ, ва, и я не могла понять. Какъ видно, сестрѣ тяжело было меня учить, и тетка мнѣ долбила и это врѣзалось мнѣ въ память. Дальше я стала читать по - русски, по – французски и по - нѣмецки. Пріѣхалъ братъ, чтобы взять сестер въ Петербургъ, и самъ занимался съ ними, а меня прогонялъ и дверь закрывалъ, чтобы не мѣшала. Помню, я отворила немного дверь, просунула голову, онъ мазнулъ меня по носу кисточкой съ краской. Какъ видно, сестра хорошо подготовила младшихъ сестеръ, и онѣ уѣхали. Чтобы не брать въ дорогу няни для

Якимъ Нимченко.

сестеръ, братъ женилъ своего лакея Якима[7]) на горничной Матренѣ, которая была у сестры. Пріѣхавши въ Петербургъ, онъ пристроилъ сестеръ въ институтъ. Якима съ женою оставилъ въ Петербургѣ, чтобы Якимъ научился поваромъ, а жена прачкой. Матрена часто навѣщала сестеръ въ институтѣ, пока онѣ привыкли. Когда у Якима оказалось двое дѣтей, тогда братъ отправилъ ихъ домой въ деревню. Якимъ оказался великолѣпнымъ поваромъ, Матрена— отличная прачка. Потомъ она была у матери до самой смерти. Когда

П. О. Трушковскій на охотѣ (съ соврем, рисунка, припис. Н. В. Гоголю)

брать увезъ сестеръ, тогда старшая занималась со мной; но, какъ видно, ей тяжело было заниматься съ моей глухотой, то мать отвезла меня къ Чернышамъ[8]), въ 6 верстахъ отъ нашей деревни. Тамъ было два учителя. Мнѣ было 8 лѣтъ. Не помню, какъ я училась у перваго учителя, который грамотѣ училъ, а отъ учителя музыки осталось въ памяти, какъ онъ насъ сзади скубъ за волосы, какъ и мальчиковъ; и когда мальчиковъ остригли, они говорятъ мнѣ—теперь учитель не достанет волосъ. Я тогда сама себѣ отрѣзала волосы. Конечно, всѣ смѣялись. Тогда меня остригли совсѣмъ. Но учитель нашелъ другое средство: билъ по рукамъ. Кое-какъ выучилъ меня мазурку играть, какъ, видно, по слуху, потому что нотъ совсѣмъ я не знала. Вѣрно, черезъ то меня и взяли домой, что онъ дрался.

Помню по разсказамъ, какъ сестра моя замужъ выходила. Сосѣдка наша Клименкова, имѣла двухъ дочерей. Одна—молодая вдовушка, другая—дѣвица. Къ нимъ ѣздилъ Трушковскій[8]), лѣтъ 22, очень красивый. Но Клименкова боялась, чтобы ея дочери не влюбились въ него, а тѣмъ болѣе, что онъ не имѣлъ никакихъ средствъ къ жизни, кромѣ службы въ чертежной; вотъ она и придумала, какъ отъ него отвязаться, и привезла его къ моей матери. Тогда сестрѣ было 19 лѣтъ. И такъ онъ присталъ къ намъ, и сестра влюбилась въ него. Мать была противъ него и ужасно не хотѣла её отдавать, а тѣмъ болѣе за поляка, но что было между ними—не знаю. Потому ли, что сестра сказала ей: „вы потому не хотите, чтобы я выходила замужъ, что боитесь быть бабушкой"—не знаю, но свадьба состоялась. Они остались жить у насъ, потому что у него не было средствъ даже квартиру нанять. Онъ ѣздилъ на службу въ Полтаву, а большую часть жилъ у насъ. Завелъ парники и виноградъ и табачную плантацію—помню, какъ я ему помогала листья расправлять—послѣ затѣялъ кожевенную фабрику, ввелъ мать въ долги (ей пришлось продать свой хуторъ въ Кременчугскомъ уѣздѣ, такой, какъ Косяровщина, который ей достался въ приданое[9]), кромѣ того, заложили половину Васильевки), и на этой фабрикѣ прогорѣлъ.

Помню, какъ онъ ѣздилъ на охоту, несмотря ни на какую погоду, даже по ночамъ, отчего сильно простудился и умеръ, оставивъ жену съ двумя сыновьями. Послѣ его смерти, черезъ шесть недѣль, родился третій сынъ. И такъ до самой смерти жила она съ нами. Незавидная ея доля.

Когда мнѣ минуло десять лѣтъ, тогда братъ пріѣхалъ, чтобы меня взять въ Петербургъ, но сестра сказала ему, что у меня, кромѣ глухоты, и памяти нѣтъ, а братъ сказалъ: „это ты не хочешь съ нею заниматься, и мать ее балуетъ; у меня будетъ у нея память"! И задалъ мнѣ французскій разговоръ цѣлую страницу, а сестра всегда задавала мнѣ по двѣ строчки. И я до самаго обѣда учила, не уставая, а когда подали обѣдъ, братъ спрашиваетъ; я не могла ни одного слова отвѣтить. Онъ оставилъ меня безъ обѣда, потомъ до вечерняго чая тоже не знала уроковъ, а до ужина одно или два слова отвѣтила. Тогда братъ удостовѣрился, что нѣтъ памяти; кромѣ того, порѣшили, что золотушные не переносятъ петербургскаго климата, и кончилось тѣмъ, что братъ сказалъ матери: „воспитывайте ее сами", и уѣхалъ. Послѣ того я не видала брата, пока не кончили сестры института.

Марія Васильевна Гоголь (Трушковская).

Потомъ меня мать отвезла въ Рыбци [10]): тамъ жила М. Спиглазова, у нея было четыре дочери, которыя имѣли учительницу, и тамъ меня мать оставила. Какъ я училась—не помню. Помню только, какъ я сидѣла у окна и смотрѣла на небо и говорила: „Господи, вынеси меня отсюда." И вскорѣ мать пріѣхала и взяла меня. Узнали, что учительница поступаетъ въ институтъ классной дамой. Какъ видно, учительница жалѣла меня и уговаривала мою мать отдать меня въ институтъ, говорила ей: „Оля будетъ жить въ моей комнатѣ, и я ей буду преподавать все то, что учителя институткамъ". Но мать, вѣроятно, стѣснялась, что платить придется дорого, и взяла меня домой; а когда мнѣ было 18 лѣтъ, тогда я грустила, зачѣмъ мать не оставила меня у классной дамы.

Опять сестра занималась со мной. Помню, какъ она разложила на столъ атласъ, учила меня географіи. Вѣроятно, я понимала, потому

что и теперь знаю, гдѣ какіе города и рѣки, а кромѣ ея никто не училъ меня. Старшій сынъ ея ломалъ мои игрушки и, если я не давала, то онъ подымалъ крикъ, и сестра велѣла отдавать ему, а когда онъ подросъ, мы вдвоемъ игрались. Вскорѣ послѣ смерти Трушковскаго два младшіе сына умерли, и потому, вѣроятно, сестра не могла со мной заниматься. Потомъ меня мать отвезла за двѣсти верстъ въ Переяславскій уѣздъ къ помѣщику Горбовскому[11]); мать узнала, что тамъ была учительница изъ Николаевскаго института. Въ мое время не называли „гувернантка"—а прямо—„мамзель". Тамъ меня оставили съ горничной, которую прямо съ деревни и взяли: дѣвку Настасью [12]). Ей было семнадцать лѣтъ. Чтобы ее пріучили стирать и гладить. Мнѣ, тогда было 13 лѣтъ. Тамъ я пробыла два года, домой ни разу не брали, вѣрно, по случаю дали, а мать пріѣзжала меня навѣщать.

Петро и Настасья Юрченки.

Учительница жаловалась, что у меня памяти нѣтъ; всѣ дѣти по три урока до обѣда выучивали, а я и одного урока не могла выучить на-память. И мать сказала: „учите ее читать и писать". И такъ, меня заставляли на-память, а читать грамматику, которая и не осталась въ памяти; по-французски заставляли читать и переводить; конечно, я въ лексиконѣ, находила всѣ слова и писала слово въ слово, и такъ все остальное. Только одна музыка мнѣ давалась. Сначала трудно было, пока я долбила почти мѣсяцъ нотную азбуку; а когда начала на рояли ноты разбирать, тогда и перегнала учительницу. Она только одну пѣсню играла: „Во саду ли въ огородѣ". До того я полюбила играть,—какъ только свободный рояль, то не встаю, пока нужно другим играть. А

что касалось до памяти, то мнѣ бѣда была) говорить намъ по-русски не позволяли, а если кто заговоритъ по-русски, надѣвали на шею билетикъ съ надписью: „за русскій языкъ". Если кто другой заговоритъ по-русски, тогда снимаютъ и тому надѣваютъ; если кто съ тѣмъ билетикомъ садится обѣдать, то во время пирожнаго должна стоять за своимъ стуломъ. Бывало, когда я заговорю по-русски и мнѣ хотятъ передать билетикъ, то я говорю: Je dis, comme il faut dire".

Но большую часть ко мнѣ снисходили, и если бы у меня была память и не глухота, поневолѣ выучилась бы говорить по-французски. Съ подругами мы дружно жили, въ особенности вторая Горбовскаго дочь. Если она чего-нибудь разсердится на меня, но не надолго. Подойдетъ ко мнѣ издали и говоритъ: "миръ миромъ—пироги съ сыромъ", и со смѣхомъ миримся, и пошло цѣлованіе. Одно время вздумали мы писать письма другъ другу и черезъ горничную передавали, такъ какъ она спала въ нижнемъ этажѣ съ матерью, а я—наверху съ мамзель. Когда мы узнали, что горничная читала наши письма, то мы сочинили по-своему азбуку: разныя фигуры, квадратики, кружочки, колечки, черточки въ разныхъ видахъ, и по этой азбукѣ мы писали и читали, но съ большимъ трудомъ. Тамъ была еще одна дѣвочка чужая, девяти лѣтъ, та была постоянно съ меньшей Горбовской. Она каждую субботу водила ту дѣвочку въ чуланъ и сѣкла ее, пока мы не замѣтили, что у той дѣвочки заплаканные глаза. Съ удивленіемъ спросили, чего она плакала? Она сказала: Надя каждую субботу меня сѣчетъ. Мы спросили Надю, за что она ее сѣчетъ; она преравнодушно отвѣтила: Я ей субботку давала. Потомъ вскорости ее мать взяла совсѣмъ.

Какъ Горбовскіе обращались съ прислугами—я ничего не видѣла и не слышала, а только разъ видѣла, какъ одна горничная,—считалась почетная противъ другихъ,—вбѣжала въ гостиную, усѣлась съ ногами на диванъ, а за ней входитъ лакей, такой страшный, на головъ волосы, какъ щетина, и съ усмѣшкой говорить ей: пожалуйте, барышня, на конюшню...

Но мы ушли. Не знаю, чѣмъ кончилось.

Не помню, часто ли у нихъ бывали гости, такъ какъ мы постоянно были наверху, только обѣдать ходили внизъ. Разъ во время обѣда говорятъ—гости ѣдутъ; а мадамъ Горбовская засуетилась, говоритъ:

„Вѣрно Гоголь, а у насъ безпорядки,“ или что-то вродѣ того сказала. Только я заслышала, какъ она сказала: „Гоголь насъ опишетъ“. Но оказалось—ихъ сосѣдъ пріѣхалъ. Къ нимъ часто пріѣзжала старая дѣвица, ее прозвали царь-дѣва. Намъ казалось это ужасно: нужно непремѣнно выйти замужъ, чтобы и намъ не быть царь-дѣвой.

Вспомнила разсказъ Горбовскаго, какъ онъ остался сиротой. Его отецъ былъ казакъ. Послѣ смерти отца и матери, дьячекъ взялъ его къ себѣ, пошили ему пестровые штаны, такую же курточку. Жили они въ городѣ Переяславѣ, тамъ мощи Макарія. Горбовскій разсказывалъ, какъ онъ молился: „Святый Макаръ, зробы мене паномъ“.

Туда пріѣзжали богомольцы поклониться мощамъ, въ томъ числѣ какой-то панъ. „Я ему понравился. Узналъ отъ дьячка, что я сирота, взялъ меня и отдалъ меня учиться туда, гдѣ панскія дѣти учатся. Потомъ поступилъ въ военную службу, вышелъ въ отставку полковникомъ, женился на богатой купеческой дочери и на ея деньги купилъ около Переяслава имѣніе, двѣсти душъ, и каменную церковь въ томъ имѣніи; и за одно лѣто выстроилъ домъ въ два этажа“. Такъ пошло ему счастье отъ Макара.

Дѣтей у него было четверо, три дочери и одинъ сынъ, который, при моей жизни у нихъ, учился въ Кіевѣ; а для дочерей выписалъ съ Петербурга мамзель. Въ тогдашнее время рѣдко кто изъ помѣщиковъ имѣлъ средства воспитывать дѣтей въ Петербурге. Я помню, какъ приходили къ нему его двѣ сестры-казачки, одѣты были въ красивыхъ плахтахъ, чеботы красные съ черными передками и черныя суконныя кофты. И онъ ихъ принималъ, какъ гостей, и обѣдали съ нами и разсказывалъ всѣмъ, какъ онъ сдѣлался паномъ.

Черезъ два года мать взяла меня домой. Разсчитывала, что сестры кончаютъ институтъ и будутъ со мною заниматься. Мнѣ было тогда уже 15 лѣтъ. Привезли меня домой, сестра встретила меня, какъ взрослую, и подарила мнѣ свой туалетъ. Мало помню, какъ я время проводила—книги въ руки не брала; да и куда мнѣ читать, когда я не знала, какъ останавливаться на точкѣ и запятой. Работать меня выучили только бисеромъ.

Мать дала мнѣ горничную, красивая и проворная дѣвка, ея обязанность была меня одѣвать и чесать; она часто приносила мнѣ въ маленькой баночкѣ варенья, но мнѣ и въ голову не пришло спросить

у нея, откуда она его беретъ. Итакъ, у меня были двѣ: Настастья мое бѣлье мыла, а горничная Агафья ухаживала за мной. Сестре очень понравилась моя горничная, просила меня перемѣниться и на придачу предлагала шляпку свою. Хотя мнѣ нравилась ея горничная, скромная, хорошенькая, но я не соглашалась, а мать советовала мнѣ перемѣнить, потому что моя горничная—воровка, у нея въ сундучке нашли мои платки и проч. Тогда я поняла: значитъ, она меня краденнымъ вареньемъ угощала, а сестра строга, у нея она не будетъ воровать. Я и согласилась. Итакъ, наместо Агафьи стала Устинья. Она у меня прослужила 15 лѣтъ, и я съ ней обращалась, какъ съ подругой. Она была первая и примерная горничная во всемъ домѣ.

Не помню, чемъ я занималась, кажется, бисеромъ работала. Спала я въ спальнѣ съ матерью; для меня комнаты отдельной не было, и я не имѣла желанія ее иметь.

Помню, какъ дѣдушка и бабушка пріезжали со своего хутора Косяровщины каждую субботу, чтобы въ церкви быть; а въ понедельникъ возвращались домой. Помню,какъ дедушка со мною разговаривалъ; осталось въ памяти, какъ онъ говорилъ мнѣ: скоро будетъ весна и какъ птички будутъ пѣть,—и насвистывалъ, точно воробьи поютъ. Онъ всегда привозилъ свою собаку, комнатная, громадная, голова у нея такая, какъ у Джека, и цвѣта такого. Дѣдушка на старости былъ слѣпъ, его человѣкъ водилъ, а бабушку помню, какъ она смотрѣла на меня и говорила матери: Бѣдненькая, да еще глухая, не выдавай ее замужъ. А сама бабушка была тоже глуха, но черезъ ревность свою всегда мучилась. У нихъ было девять сыновей и двѣ дочери: моя мать и тетка Катерина Ивановна; но сыновья всѣ поумирали. Зато дочери прожили до 80-ти лѣтъ. Потомъ бабушка осталась вдовой, и съ нею жила дочь ея, Катерина Ивановна [13]).

Эта тетка была большая чудачка. Разсказывали, какъ она была замужемъ, у нея родился сынъ, и черезъ страданія отъ родовъ не хотѣла жить съ мужемъ; но ее обманули, сказали, что отъ первыхъ родовъ только страдаютъ; но когда родилась дочь, узнала тѣ же страданія и не захотѣла жить съ мужемъ. Кончилось тѣмъ, что они разошлись. Ребенка ей не дали, а сестра ея мужа, будучи немолодой, дѣвицей ее воспитывала и замужъ выдала съ тѣмъ, чтобы они жили съ нею.

Потомъ у нихъ родился сынъ, но мужу ея не нравилась тетка, за что-то поссорились, и онъ хотѣлъ уѣхать съ женой въ свое имѣніе. Но жена его не хотѣла оставить тетку; вѣроятно, онъ обидѣлся, что она предпочитаетъ жить съ теткой, и бросилъ ее навсегда а также и сына годового, но сынъ вскорости умеръ.

Итакъ, тетка Катерина Ивановна жила съ бабушкой; тоже пріѣзжали къ намъ каждую субботу и каждый разъ привозили свое печеніе—коржики къ чаю и мнѣ по шесть маленькихъ. Потомъ бабушка умерла, тетка осталась одна въ своемъ хуторѣ Косяровщина и тоже пріѣзжала къ намъ каждую субботу.

Мать получила отъ брата письмо, въ которомъ онъ писалъ, что сестеръ привезъ въ Москву, чтобы мать пріѣхала забрать ихъ въ деревню, т. е. домой (въ продолженіе семи лѣтъ мать ни разу ихъ не видала, одной 11 лѣтъ, другой 10 лѣтъ, а брать пришлось взрослыхъ—одной 18, другой 17 лѣтъ). Это было зимою; мать и меня взяла съ собою; она наняла ямщика до самой Москвы, это было зимой, экипажъ у него была рогозовая кибитка. Со мною ей была возня, отъ снѣга всю дорогу были рвоты, ужасно долго ѣхали, кажется, болѣе двухъ недѣль. Наконецъ, пріѣхали въ Москву, прямо къ Погодину [14]), на Дѣвичьемъ полѣ, тамъ былъ братъ съ сестрами. Въ настоящее время конфузились бы въ рогозовой кибиткѣ, но тогда не смотрѣли на то. Не помню, какъ встрѣтилися мы, только помню, какъ сестры ласкою со мною обращалися, и какъ Лиза желала, чтобы я ее больше полюбила, какъ Аннетъ; постоянно меня занимала и дарила миніатюрныя вещицы. Хотя Аннетъ ничего не дарила и меньше обращала на меня вниманія, но не понимаю, почему она мнѣ больше нравилась. Замечательная зала у Погодина: громадная, круглая, наверху куполъ, кругомъ рѣшетки; наши комнаты были наверху, съ одной комнаты въ другую переходили по той рѣшетктѣ, страшно было смотрѣть внизъ. Половина этой залы, отъ пола до верха, завалена старинными бумагами, онъ, кажется, собиралъ древность; тамъ стоялъ и рояль. Какъ тамъ никто не сидѣлъ, я пользовалась тѣмъ случаемъ и постоянно ходила туда играть; братъ услышалъ, какъ я играю. „Ты лучше играешь, какъ Аннетъ,“ и вообразилъ, что у меня есть талантъ, договорилъ мнѣ учителя — давать мнѣ уроки музыки, и платилъ за часъ 5 рублей, а чтобы не безпокоить Погодина, онъ возилъ меня каждый день къ Нашокинымъ, туда приходилъ учитель.

Потомъ сказалъ мнѣ: „Поживи у Нащокина, потому что мнѣ некогда каждый день возить тебя“. Пришлось оставаться, иногда навещалъ меня. Разъ мадамъ Нащокина просила его остаться обѣдать, онъ отвѣчалъ ей „некогда,“ а она говорила: „У насъ за обѣдомъ будутъ малороссійскіе вареники, и сегодня многіе обѣщали пріѣхать“,—тогда онъ остался. Потомъ начали съѣзжаться и за обѣдомъ сидѣло 12 душъ, все мужчины, а дамы — только хозяйка да я. У нихъ постоянно собирались всѣ талантливые, изъ числа тѣхъ только помню актера Щепкина, который заговорилъ со мною по-малороссійски, но я ни слова не знала: конечно, по случаю глухоты я не слышала хохлацкаго

С. Т. Аксаковъ.

М. С. Щепкинъ.

языка[15]). Помню, какъ одинъ игралъ на скрипкѣ, другой на—рояли а нѣкоторые рисунки свои показывали, иные читали, вѣрно, свои сочиненія; до моего уха долетали слова брата, когда онъ говорилъ: нужно развивать талантъ, грѣшно не пользоваться. Не будь я глуха, много бы наслушалася ихъ разговору и знала бы всехъ фамиліи, а то только глаза были, какъ на фантоминѣ; тѣмъ кончился вечеръ.

Когда въ другой разъ братъ пріѣзжалъ меня навестить, я просила его отвезти меня къ матери, что у меня животъ болитъ, а онъ

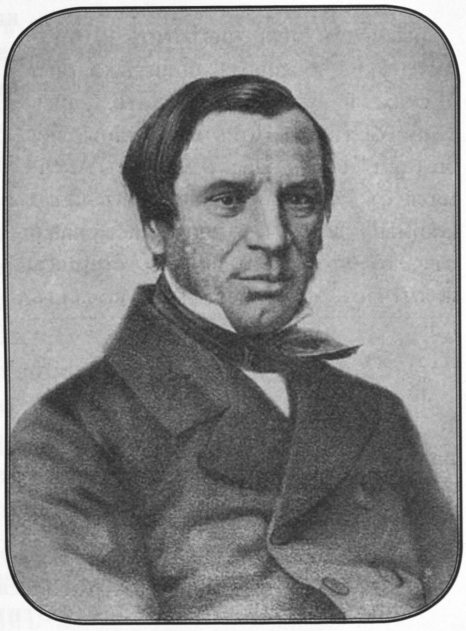
говоритъ: полежи, то перестанетъ. Я сказала—мнѣ нужно ѣхать, а онъ допытывается: скажи мнѣ, какая у тебя болѣзнь. Вотъ мое положеніе: вмѣсто того, чтобы везти меня къ матери, а онъ завезъ меня къ Аксаковымъ[16]), сказалъ: здѣсь будутъ мать съ сестрами, указалъ, въ какія двери итти, а самъ уѣхалъ. Незнакомый домъ, и я очутилась, какъ въ лѣсу. Вошла въ первую комнату, въ это время вошелъ старикъ Аксаковъ въ халатѣ, увидѣлъ меня, тотчасъ же возвратился, выслать свою дочь и она повела меня въ другую комнату, должно быть, въ классную, гдѣ младшіе занимались. Потомъ мать съ сестрами пріѣхали. Старшая дочь Аксакова всегда съ Аннетъ была, а вторая—съ Лизой, но эта вторая за все время меня не оставляла. Помню, какъ у нихъ много было гостей, вторая разливала чай, а меня около себя посадила и сказала мнѣ тихо: вымойте стаканъ; я сейчасъ взялася мыть, а потомъ она удивилася, какъ я послышала. Я ей сказала: когда близко говорятъ, то я слышу; какъ видно, она была очень довольна и все время разговаривала со мною. Противъ насъ сидѣла дама въ золотой цѣпочкѣ съ серебрянымъ рожкомъ; къ ней подошель мужчина, она тогда приставила рожокъ къ уху, а онъ ей на все горло кричалъ, такъ что я послышала. Еще помню, какъ братъ возилъ насъ въ театръ; тогда по случаю поста концертъ играли. На сценѣ; только одинъ мальчикъ 12 лѣтъ игралъ на рояли длинную пьесу, а сзади его стоялъ, должно быть, съ какихъ-то родственниковъ.

Нѣсколько разъ возилъ насъ въ театръ потомъ. Я не помню, какъ-то разъ выѣзжали съ театра, вѣрно, не хватало фаэтоновъ—только одинъ былъ; такъ онъ съ матерью сѣлъ, а насъ порастыкалъ, знакомымъ. Мнѣ пришлось ѣхать въ каретѣ съ двумя дамами. Онѣ вдвоемъ разговаривали. О чемъ—только послышала, „и тотъ комъ, иль фо“. Вероятно, въ то время было въ модѣ употреблять то слово—комъ иль фо.

Съ Погодинымъ мы видались во время обѣда, а вечеромъ сидѣли въ гостиной, братъ читалъ свое сочиненіе. Комната наша была на верхнемъ этажѣ, мы всѣ тамъ мѣстились, а въ другой—братъ.

Сестры между собой не дружно жили, хотя я не слышала, чтобы онѣ когда ссорились, но замѣтила, что одна съ другой никогда не говорили[17]). Вѣроятно, мать жаловалась старухе — матери Погодина,

что онѣ не дружны между собою до ненависти. Старуха говорила матери: „Вы не справитесь съ ними. Подумайте, три дочери взрослыя, да еще дома у васъ вдова, поэтому необходимо вамъ нужно одну оставить“. Такъ и съ братомъ порѣшили. Такъ какъ Аннетъ съ малыхъ лѣтъ была любимицей матери, то Лизу братъ оставилъ и пристроилъ въ домѣ Шереметьевой, и меня хотѣлъ оставить, нанялъ у какого-то нѣмца квартиру, чтобы учили меня музыкѣ. Но я сказала: „Не стоить того, слишкомъ дорого выйдетъ: за квартиру платить, да еще учителю; и братъ согласился съ тѣмъ. Итакъ, братъ насъ выпроводилъ, нанялъ дилижансъ и на дорогу далъ намъ разные съѣстные припасы: икры, сыру, разныя копченки и калачи, замѣчательно вкусные московскіе калачи, и этой провизіи намъ стало до Харькова. ѣхали мы день и ночь, нигдѣ не останавливалися, даже чай не пили до Харькова двѣ недѣли. Въ Харьковѣ остановились въ домѣ Воронянскаго, который былъ женатъ на дочери Квитки; оттуда написали въ деревню, чтобы выслали лошадей, и тамъ пришлося цѣлую недѣлю ожидать, пока прислали лошадей. Изъ Харькова тоже долго ѣхали; наконецъ, ночью пріѣхали въ деревню. Мать не велѣла будить сестру. Въ гостиной постлали постель—матери на диванѣ, а мы на полу. Тогда была лунная ночь, соловьи пѣли, такъ было пріятно, что и спать не хотѣлось. Утромъ сестра вошла къ намъ, а дальше не помню, какая встрѣча, а главное, ничего не слышала, о чемъ онѣ говорили. Только помню, что сестра уступила свою комнату, а сама перешла къ матери въ спальню. Бѣдная сестра, ей казалось, что она лишняя въ домѣ! Какъ ей хотѣлось, чтобы мать выдѣлила ей часть, чтобы хозяйничать на своемъ. Она бы не прочь и ей помогать



М. П. Погодинъ.

въ чемь-нибудь, но мать любила сама всѣмъ распоряжаться. Все говорила матери, что вы тѣхъ, то-есть насъ, больше любите, да и матери было тяжело видѣть ее въ грустномъ положеніи, но намъ она не мѣшала, она постоянно сидѣла въ спальнѣ. Мы съ нею обращались съ почтеніемъ и на вы, называли ее не по имени, а—сестрица. Сынъ ея былъ въ Полтавѣ, учился въ гимназіи, но не замѣтно было, чтобы она была къ нему привязана. По большимъ праздникамъ пріѣзжалъ домой ея сынъ, но не помню, какъ онъ проводилъ время дома. Замѣчательно добрый мальчикъ, насъ онъ очень любилъ, моя мать его больше любила, какъ насъ. Но сестрѣ, было не до него. Ей хотѣлось выйти замужъ за Данилевскаго, а онъ не думалъ о ней, хотя и пріѣзжалъ къ намъ, какъ матери друга, который въ Нѣжинѣ учился съ моимъ братомъ; а она вообразила, что къ ней; но ничего не замѣтно было, чтобы онъ интересовался ею. Бѣдная, мечта ея была несбыточна[18]).

Мы съ Аннетъ проводили время такъ: бывало, пойдемъ въ садъ, она читала мнѣ старинные романы, страстные и печальные, но ничего не помню. Только помню, какъ мы плакали, и съ заплаканными глазами приходили обѣдать. Потомъ Аннетъ со мною занималась: она меня учила читать и объясняла, что значитъ точка и запятая, а другими предметами—не помню. Кажется, некогда было, хотя ничего не дѣлали. Бывало—лѣтомъ жара. Мы пойдемъ въ садъ, подъ деревомъ настелемъ коверъ, поснимаемъ корсеты и на коврѣ валяемся. Я ее очень любила, но бѣда мнѣ была, когда она разсердится; иногда цѣлую недѣлю не говоритъ, и я не подхожу къ ней, пока она забудетъ, за что сердилась. За какой-нибудь пустякъ опять не говоритъ со мною и этимъ она оттолкнула меня такъ, что я не стала любить, какъ прежде.

Бѣда мнѣ съ глухотой. Бывало, гости пріѣзжаютъ, я поздороваюсь, сейчасъ же ухожу, потому что ничего не слышу, о чемъ говорять. Иногда слышу, какъ они хохочутъ. Мнѣ хотѣлось знать. Въ это время выходила Аннетъ, я прошу ее сказать мнѣ, чего такъ хохочутъ, иногда скажетъ, а иногда не захочетъ. У насъ была дѣвочка, повара Якима дочь, которая часто ходила въ комнату, и она любила стоять на дверяхъ, слушать, о чемъ говорятъ; вѣроятно, мать, ее посылала, чтобы передавала ей, о чемъ господа говорятъ.

И я воспользовалась: когда гости пріѣзжаютъ, тогда я ей говорила: слушай, о чемъ говорятъ —разскажешь мнѣ.

Лиза въ Москвѣ два года прожила. Переписку она вела съ Аннетъ, хотя не любила ея, но поневолѣ, потому что къ матери она была холодна, а меня мало знала. Итакъ, перепсками онѣ помирились. Въ одномъ письмѣ Лиза писала, какъ она на дрожкахъ перекинулась и зашибла грудь; мы съ Аннетъ расплакались. Аннетъ сейчасъ написала брату, чтобы Лизу привезъ къ намъ.

Вскорости братъ привезъ Лизу; какъ мы обрадовались, когда Лиза пріѣхала, и съ тѣхъ поръ Аннетъ съ Лизой были въ дружбѣ до самой смерти, хотя, бывало, иногда поссорятся. Когда Лиза пріѣхала, тогда она съ Аннетъ въ одной комнатѣ была, а я въ другой, около нихъ; Лиза начала со мной заниматься серьезно, не такъ, какъ Аннетъ, но недолго. Я не захотѣла, потому что, когда она разсердится чего на меня, тогда говоритъ: иди учиться; мнѣ это не нравилось, не захотѣла съ нею заниматься. Такъ и кончилось наше занятіе, но все таки мы втроемъ работали и гуляли, а потомъ онѣ постоянно вдвоемъ сидѣли въ гостиной: одна читала, другая работала, а я черезъ свою глухоту не могла слушать и потому отстала отъ нихъ.

Елисавета Вас. Гоголь.

Когда минуло мне 18 лѣтъ, тогда я совершенно переменилась. Явилась у меня память и желаніе учиться, и я грустила, зачѣмъ я глуха и почему я необразована, а сестрамъ уже не до того, чтобы меня учить. Потомъ начала самоучкой писать, съ книги переписывала и съ вниманіемъ замѣчала, какъ грамматически писать. Припомнила ариѳметику, потомъ сосѣдка показала по счетамъ считать, и стала много читать книгъ; полюбила сосѣдокъ, стала ѣздить къ нимъ одна, потому что, если со мной говорятъ, тогда я слышу. Такимъ манеромъ я познакомилась съ жизнью и уже въ состояніи сама разсуждать; даже нѣкоторые спрашивали моего совѣта. Музыку почти

оставила, потому что новыхъ нотъ не было; Аннетъ, когда ѣздила къ сосѣдямъ, всегда привозила ноты и переписывала себѣ, но мнѣ не давала: вѣрно, ее задѣло, когда братъ сказалъ, что я лучше ея играю; какъ видно, ей хотѣлось меня перегнать. Когда-то она пошла въ садъ, а я начала разбирать ея ноты. Она, какъ услышала, прибѣжала и отняла свои ноты. А сестра, Марія Васильевна, начала все болѣть, посылали за докторомъ; вѣрно онъ ошибку сдѣлалъ, бросилъ кровь съ руки и эту кровь на тарелкѣ оставилъ до утра, а когда увидѣлъ, что кровь сдѣлалась желтая, сейчасъ же, не простившись, уѣхалъ.

Церковь въ Яновщинѣ, гдѣ погребены родные Гоголя.

Послѣ того у нея сдѣлалась скоротечная чахотка. Послали за другимъ докторомъ, тотъ не могъ ей помочь. Передъ смертью ея мы втроемъ пришли къ ней, не знаю—по просьбѣ ли ея; она смотрѣла на насъ, въ особенности на меня, и только что начала она говорить, а Аннетъ ее остановила, сказала: докторъ не велѣлъ вамъ говорить, —и такъ она замолчала. Что-то она какъ будто хотѣла предсказать; на другой день она умерла. Мы поплакали, шесть недѣль были въ траурѣ, и скоро забыли о ней.

Послѣ смерти сестры я опять спала съ матерью. Прежде я не имѣла желанія имѣть отдѣльную комнату, но когда начала заниматься самоучкой, мнѣ неудобно было и хотѣлось, чтобы никто не смотрѣлъ. Упросила свою мать, чтобы она позволила мнѣ перейти

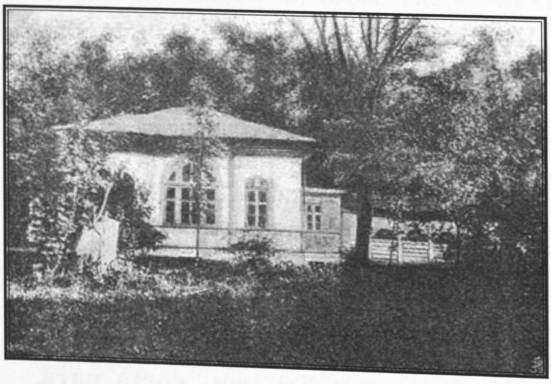
хоть вь проходную комнату, и тамъ я перегородила вродѣ ширмы,—отъ однихъ дверей до другихъ,—и сдѣлалась закрытая комната, а другая половина—вродѣ корридора. И предовольна была; мнѣ только нужно было кровать и столъ. Потомъ у меня проявлялись разныя прихоти: просила, чтобы дали мнѣ лошадь, которая не годилась въ экипажъ, потому что она была подорванная, и просила сдѣлать мнѣ маленькій экипажъ на двухъ колесахъ, вродѣ тюльбери. Я ее назвала Триндичка и сама правила; брала съ собою свою горничную Устинью, лошадь была смирная; ѣздила я въ Яворившину, иногда къ сосѣдкѣ за полторы версты, но только всегда должна говорить матери, куда ѣду. Дальше не позволяла ѣздить, поэтому я принуждена была ее обманывать. Говорила ей: ѣду въ Стѣнку, т. е. въ лѣсъ клубнику рвать, а, бывало, заѣду в лѣсъ, скажу сторожу нарвать клубнику, а сама съ Устиньей ѣду дальше, къ сосѣдкѣ Семяникиной, дочь ея —Александра Григорьевна. И эта дѣвица часто у меня гостила по недѣлямъ. Я очень тамъ любила бывать. Оттуда заѣзжаю въ лѣсь, беру у сторожа клубнику. И приходилось поздно возвращаться домой. Мать довольна была за клубнику и не спросила, чего такъ поздно пріѣхала. Иногда залажу каждую субботу туда ѣздить.

А сестры однообразную жизнь вели. Постоянно въ гостиной сидѣли. Одна читаетъ, другая работаетъ въ пяльцахъ гарусомъ. Аннетъ была мастерица кроить и шить платья; если что намъ нужно кроить, то мы обращались къ ней, а когда она стала часто меня упрекать, тогда я перестала къ ней обращаться; съ тѣхъ поръ начала сама доходить, а Лиза безъ ея совѣта сама ничего не могла сдѣлать.

Не помню, за что сестры часто на меня нападали. Бывало, когда мать услышитъ нашу ссору,—является меня защищать,—тогда Аннетъ говорила ей: „отчего вы всегда на ея сторонѣ“? А мать отвѣчала: „потому что васъ двѣ, а она одна“. И черезъ свое вмѣшательство еще хуже вооружала ихъ противъ меня. Я нѣсколько разъ просила ее не вмѣшиваться, что я сама отвѣчу. А между тѣмъ боялась, когда мать, бывало, заболѣетъ, чтобы не умерла. Какъ-то я Лизѣ говорила: „не дай Богъ смерти матери, какъ мнѣ тогда жить“?—а Лиза говорила: „мы потому были противъ тебя, что мать вмѣшивалася, а въ случаѣ не стало бы, тогда Аннетъ о тебѣ заботиться будетъ“. Иногда подумаю, что будеть со мною: образованія не получила, къ тому еще глуха, можетъ, на старости прійдется быть еще на черной работѣ или что

другое,—и начала себя испытывать; пошла туда, гдѣ жнутъ, чтобы поучиться жать. Не много пожала, палецъ обрѣзала серпомъ (въ то время серпомъ жали); пошла огородину копать, а когда увидѣла, какъ дѣвка воду тянеть съ колодца, я сказала: „а дай я вытяну". Опустила ведро въ колодецъ, а вытащить воду обѣими руками не могла; тогда сказала ей: „надѣнь мнѣ на коромысло ведро съ водой". Она подала оба ведра, и я донесла къ дому, и долго болѣла у меня шея отъ тяжести воды. Подумала, что я буду дѣлать, если я не въ состояніи воду носить. А вдругъ мнѣ придется горничной быть. Какъ будутъ удивляться, когда мои господа уѣдутъ, а я сяду на рояли играть. Еще испытывала, если я ослѣпну, могу ли я играть. Не помню, еще къ чему я себя приготовляла, словомъ сказать, какъ будто меня что-то подталкивало, что нужно для какой-то цѣли жить, но не могла понять, потому что не была развита.

Яреськи. Домъ Трощинскихъ.



Театръ в Яреськахъ у Трощинскихъ.

Мать часто ѣздила въ Яреськи, гдѣ жила ея тетка Трощинская, Анна Матвѣевна, у которой мать воспитывалась; и мы тамъ бывали, но ничего не помню, какъ только двѣ старушки, Анна Матвѣевна, и сестра ея, Агафья Матвѣевна, вдова. Говорятъ, она три раза перенесла пожары, и все имущество ея погорѣло; за третьимъ разомъ ее

такъ потрясло, что она совсѣмъ потеряла память, потому сестра и взяла ее къ себѣ. Когда бабушка Анна Матвѣевна умерла, тогда сынъ ея, Андрей Андреевичъ[19]), рѣшилъ все имущество, что было у его матери, перевезти къ моей матери. Я помню, когда привезли вещи: посуду, серебро, столовое бѣлье и мебель; бюро и круглый столикъ на одной ножкѣ находится у сына моего Василія. А другая бабушка, Агафья Матвѣевна, осталася одна; пришлось матери взять ее къ себѣ. Она была тихая, покойная, но степенная. Когда бывали у насъ гости, то зажигали въ гостиной двѣ свѣчи (въ то время были сальныя свѣчи, и постоянно нужно щипцами срѣзывать), въ залѣ тоже двѣ свечи, а бабушка вошла въ залу, увидѣла—двѣ свѣчи горятъ, преспокойно взяла щипцы и потушила. Аннетъ увидѣла—темнота, говорить: „Какой срамъ! у насъ гости, а въ залѣ темно". А бабушка ей говорить: это я потушила.—Для чего вы потушили?—Она говорить: никто не работаетъ, зачѣмъ даромъ горѣть? Если увидитъ, книга или ножницы или что другое лежить, беретъ въ свой комодъ, причемъ, когда увидитъ, что ищутъ, тогда говорить: я спрятала, и сейчасъ же принесетъ. Если на полу найдетъ нитку или бумажку, тряпочку—все прячетъ въ комодъ.

Какъ-то она сидела на крыльце и мы сидели; в то время во дворѣ строился флигель и только стѣны стояли безъ оконъ и безъ дверей, а мы нарочно между собою говоримъ: сегодня во флигелѣ будетъ балъ, много будетъ гостей и офицеровъ, а свѣчей какъ много будетъ горѣть! когда уйдутъ всѣ спать, тогда мы пойдемъ. Въ это время мать входить, а бабушка обращается къ матери и говоритъ: „видишь, Машенька, ты ничего не знаешь, что твои дочери затѣваютъ: въ эту ночь во флигелѣ будутъ офицеры и всѣ свѣчи твои попалютъ". Мать ее увѣряетъ, что во флигелѣ ничего нѣтъ. „Вы видите, что безъ крыши, пойдемъ туда посмотрѣть, что тамъ ничего нѣтъ". Она встаетъ, а мы впередъ бѣжимъ, и кричимъ. „выносите скорѣй стулья и все." Входитъ бабушка, а мать говоритъ: „видите, ничего нѣтъ, даже половъ". А она говоритъ: „развѣ ты не слышала, какъ онѣ кричали, что ты идешь, ну и вынесли все". Не помню, сколько она у насъ прожила. У нея былъ огромный аппетитъ: за обѣдомъ каждое блюдо по два раза брала, а у насъ менѣе четырехъ блюдъ не бывало, въ особенности, пшеничку и дыни; у насъ тогда былъ свой баштанъ и резали до десяти дынь. Кажется, оттого заболѣла и умерла.

Разъ какую штуку съ нею я сдѣлала: надѣла маску, армякъ, шапку на голову, явилась къ ней. Она перепугалась, хотѣла меня палкой ударить и съ палкой упала и затылкомъ ударилась о кадушку до крови. Мать разсердилася на меня, взяла маску, забросила въ прудъ. Конечно, я сама очень перепугалась; послѣ ушибъ скоро прошелъ, она даже не лежала.

Трощинскій, Андрей Андреевичъ, братъ двоюродный моей матери, иногда пріѣзжалъ къ намъ и всегда съ шикомъ. Прежде всего пріѣзжалъ верховой объявить, что черезъ два дня пріѣдетъ генералъ, и мать уступаетъ свою спальню, приготовляется къ его пріѣзду; на другой день—опять верховой, говорить: „завтра на обѣдъ". На третій день— опять верховой, говоритъ: „ѣдетъ". И мы всѣ должны стоять на крыльцѣ, его встрѣчать. Смотримъ: еще верховой, а за нимъ карета въ два форейтора. Подъѣхали къ крыльцу, два лакея открываютъ дверцы; выскакиваетъ тоненькій, высокій Дмитрій Андреевичъ, 14 лѣтъ, за нимъ гувернеръ. Потомъ два лакея высаживаютъ сѣдого старичка, Андрея Андреевича, и онъ, глядя на насъ, съ улыбкой выходитъ, а дальше ничего интереснаго не было. Мать со старичкомъ разговаривали, а мы Дмитрія Андреевича занимали. Мать называла Трощинскаго благодѣтелемъ: онъ каждый годъ высылалъ ей по 500 рублей, уплачивать проценты на тотъ долгъ, который зять Трушковскій ввелъ. Только послѣ смерти брата Трощинскій-сынъ, когда началъ печатать изданіе Гоголя, тогда выплатилъ остальной долгъ. Мать разсказывала, когда Андрей Андреевичъ получилъ наслѣдство отъ Трощинскаго-министра, то мать его, Анна Матвѣевна, говорила ему: ты получилъ громадное наслѣдство, уступи Яреськи Машенькѣ (то-есть моей матери), какъ она тутъ росла. Онъ замолчалъ. Мать моя видѣла его неудовольствіе, сказала теткѣ: „зачѣмъ? ему самому нужно". И онъ ни слова на это не сказалъ. У него былъ только одинъ сынъ, Дмитрій Андреевичъ, считался милліонеромъ. Послѣ смерти отца все спустилъ, остался безъ пріюта и на старости пришлось ему служить у губернатора секретаремъ, и у меня пришлось ему нанимать квартиру—только одну комнату—и то благодарилъ, что я его приняла. Вотъ, что значитъ быть жаднымъ и неподѣльчивымъ.

У моей матери было двѣ сестры двоюродныя, которыя жили въ Яреськахъ, и она часто къ нимъ ѣздила и помогала. Потомъ увидѣла,

что у нихъ окончательно нѣтъ средствъ къ жизни, тогда она забрала ихъ къ, себѣ и онѣ жили у насъ, пока пристроилися.

Тамъ онѣ открыли пансіонъ, не знаю, сколько лѣть онѣ тамъ жили, но когда одна изъ нихъ умерла, тогда другая, Екатерина Прокофьевна, переѣхала къ намъ и уже долго у насъ жила. Ея занятіе было—чай разливать. Характеръ у нея былъ непріятный. Можетъ, вь другомъ мѣстѣ прійдется ее еще упомянуть. Конечно, не стоить того, чтобы ихъ сюда вписывать, но для того, чтобы указать, сколькимъ мать давала пріютъ[20]).

Когда я малой была, тогда, говорятъ, еще было больше живущихъ. Даже цѣлое семейство; для нихъ была устроена усадьба въ Яворившинѣ. Вероятно, еще отецъ устроилъ.

Но когда уничтожилась усадьба и куда дѣвалось то семейство,— не знаю. Вѣрно, меня еще на свѣтѣ не было, потому что въ Яворившинѣ и слѣда нетъ, гдѣ была усадьба, а только могила; да и того не видно, а только по разсказамъ стариковъ; и то мѣсто и теперь называють „на могилкахъ".

Да еще матери двоюродный братъ Павелъ Петровичъ Косяровскій съ женой пріютился къ намъ, пока онъ нашелъ себѣ службу въ корпусѣ экономомъ. Онъ насъ развлекалъ. Часто разсказывалъ анекдоты; въ то время были рождественскіе праздники, онъ посовѣтовалъ намъ замаскированными ѣхать къ сосѣдямъ на вечеръ. Павелъ Петровичъ нарядился русскимъ мужикомъ, жена его—турчанкой, Аннетъ—тиролькой, Лиза—цыганкой, я—русской, и все въ маскахъ заѣхали къ Чернышу, чтобы взять его дочь Вѣру Васильевну. Она громаднаго роста, нарядилася въ костюмъ брата своего, тогда поѣхали къ Сульженковымъ, тамъ былъ вечеръ. Тогда у насъ было много сосѣдей. Каждый годь мы сговаривались на эти праздники въ каждомъ домѣ всѣмъ съѣзжаться на вечеръ, на первый день у однихъ, на второй у другихъ и такъ далѣе, и тамъ танцы подъ фортепіано. Большею частью мне приходилось играть. Потомъ приходилось возвращаться ночью при лунѣ, отъ 6 до 15 верстъ, а которымъ дальше, тѣ оставалися ночевать. Но какая рѣдкость, если въ какомъ домѣ было три или четыре кавалера, а дѣвицъ до двадцати.

1-го октября день Покрова и именинъ моей матери. Еще съ августа мать съ сестрами ѣздили ко всѣмъ сосѣдямъ, приглашать на

именины, потомъ ѣздили въ Полтаву покупать разныя лакомства и соленія, кроме того—стеариновыхъ свѣчей; въ то время только что появились эти свѣчи. Для этихъ свѣчей купили стѣнные подсвѣчники парные, а въ гостиную тройные—и этими свѣчами избавили лакеевъ отъ срыванія щипцами.

Каждый годъ въ этотъ день собираются къ намъ, какъ на балъ. Къ этому дню заранѣе идетъ приготовленіе: въ саду всѣ дорожки посыпаютъ пескомъ и кругомъ двора, даже за дворомъ, до самой церкви дорога высыпана пескомъ. Около кухни стоитъ 40-ведерная бочка съ водой. Повара готовятъ заранѣе на 40 душъ и непремѣнно 12 блюдъ, такъ каждый годъ; за два дня повара дѣлаютъ пирамиду, замѣчательно красивую и вкусную; во флигелѣ приготовляютъ постели и нѣкоторыя кухни очищаютъ для ночлега гостямъ. На этотъ день отпускали изъ гимназіи племянника Трушковскаго. Когда за нимъ посылали, то Аннетъ писала ему, чтобы привезъ четырехъ кавалеровъ; а онъ привезъ одного гимназиста и одного кадета; Аннетъ напала на него, зачѣмъ мальчугановъ онъ привезъ, дѣвицамъ неинтересно будетъ съ ними танцовать. „Какъ совѣстно: я всѣмъ говорила, что будутъ кавалеры“, а онъ отвѣчаетъ: „гдѣ я возьму кавалеровъ“?—„Да развѣ ты не могъ на улицѣ встрѣтить кого и пригласить“?

М. И. Гоголь въ нач. 60-хъ годовъ.

Замѣчательно, какая бѣдность у насъ была на кавалеровъ, даже стариковъ мало. Рѣшительно всѣ сосѣди—вдовы съ дочерьми. У кого были сыновья или братья, то всѣ на службѣ или учились. Единственный кавалеръ былъ Михаилъ Ивановичъ Пселъ, который 12 лѣтъ прослужилъ юнкеромъ, поневолѣ, вышелъ въ отставку, зато былъ помѣщикомъ на 400 десятинъ (на

другой годъ онъ привозилъ по заказу Аннетъ изъ Сорочинецъ двухъ юнкеровъ).

Наканунѣ Покрова начинаютъ съѣзжаться гости, которые сдалека, то-есть изъ Сорочинець и изъ Будища[21]). На Покровъ поздравляли мать съ именинами, всѣ отправлялись въ церковь, возвратившись изъ церкви—чай подавали, а въ гостиной приготовили закуску: всевозможныя соленія, но ничего горячаго. Потомъ начинаютъ гости съѣзжаться одинъ за другимъ. Преинтересно было смотрѣть въ окно. Говорятъ: ѣдутъ, еще ѣдутъ! Наконецъ, соберется столько, что и за столъ не помѣщаются. Пока обѣдъ, отправляются къ закускѣ. Зала у насъ была порядочная. Одинъ столь накрывали длинный покоемъ. На тотъ столь ставили двѣ пирамиды; нѣсколько вазъ съ вареньемъ и двѣ большія вазы съ фруктами на весь столъ разставлено. А другой столь—на 12 душъ, и въ спальнѣ на кругломъ столѣ—на 6 душъ; кромѣ того, уже не накрытый письменный столъ—двое, въ гостиной на двухъ ломберныхъ столахъ по 4, а кому не было мѣста, ходя ѣли. Кончался обѣдъ въ 5 часовъ. После обѣда подается желтый чай; по всей комнатѣ раздается чайный запахъ, потомъ начинались танцы. Мнѣ всегда приходилось играть. Аннетъ суетилась, чтобы никто не скучалъ и вдругъ находить въ спальнѣ въ темномъ углу—двѣ дамы; она спрашиваетъ у нихъ, чего онѣ такія скучныя? Онѣ говорятъ: если бы мы знали, что наши дочери не будучи танцовать, мы бы не пріѣхали. Аннетъ призываетъ племянника, чтобы протанцовалъ съ тѣми дѣвицами: одна маленькаго роста и подбородокъ чуть не сходится съ носомъ, а другая толстая, неуклюжая; но племянникъ не захотѣлъ. Тогда Аннетъ проситъ Псела протанцовать, тотъ изъ вѣжливости согласился. Подходитъ ко мнѣ и проситъ, чтобы я какъ можно скорѣе играла вальсъ; взялъ маленькую, немного протанцовалъ, и около меня она упала, а самъ ушелъ; а она какъ видно ждала, чтобы ее кавалеръ поднялъ, но я сказала ей: вставайте. Она, вставши, садится около меня и проситъ: "играйте, играйте", вообразила, что теперь будутъ ее брать, но ни одинъ ее не бралъ, а только, когда дѣвицы были за кавалера, тогда и она танцовала. Кадриль составляли въ 12 паръ. Во время отдыха подавали на громадномъ подносѣ виноградъ, послѣ другого отдыха подавали кондитерскія конфекты, потомъ чай и разныя печенія, покупныя и домашнія. Танцы продолжались до трехъ часовъ; потомъ

ужинъ,—все то, что осталось отъ обѣда, и все было наставлено на столѣ, каждый бралъ себѣ на тарелку. Послѣ ужина разъѣзжались, а которые изъ Будища или Сорочинецъ, а также кузина, остались ночевать. Кузина пригласила меня съ нею поѣхать погостить. Я съ радостью поѣду, если бы только мать отпустила. Она упросила, и мать отпустила, а Трофимовская Лизу взяла погостить въ Сорочинцы, а Лукьяновичева—Аннетъ въ Будище,—и на другой день всѣ разъѣхались. Мать очутилась одна. Она говорила: это по причинѣ тройныхъ подсвѣчниковъ, которые въ гостиной по три свѣчи горѣли;—и съ тѣхъ поръ всегда по двѣ свѣчи зажигали, а въ третій не вставляли свѣчи. Не знаю, долго ли сестры гостили, такъ какъ онѣ за 30 версть, а я за 120 верстъ, 4 мѣсяца погостила.

Въѣздъ въ Диканьку.

У кузины часто бывали гости, въ особенности ближайшая соседка, Артюхова; у нея двѣ дочери: одна вдова, а другая девица, и сынъ. Онъ пріезжалъ изъ Харькова. Ея дочери очень ухаживали за мною. Иногда бывало много гостей и, когда бывалъ Артюховъ, то всѣ дѣвицы въ восторгѣ, или просто влюблялись въ него,

Церковь св. Николая въ диканьскомъ лѣсу.

только я на него равнодушно смотрѣла. Онъ—красивый блондинъ, 22 лѣтъ, веселый, игралъ на флейтѣ и пелъ; онъ довольно часто бывалъ. Какъ-то разъ его сестра оставалась ночевать; вечеромъ сидѣла съ кузиной, разговаривала, а я сидѣла на скамейкѣ, положила свою голову кузинѣ на колѣни, а та зная, что я не слышу, продолжала разговоръ, и я услышала, как она говорила, пойду ли я замужъ за ея брата. Потомъ слышу, говорит: „братъ просилъ васъ уговорить ее", дальше не совсѣмъ разслышала, но я притворилась, будто ничего не слышала, попрощалась и пошла спать. Когда Артюхова уѣхала, тогда кузина начала меня уговаривать. Не помню, что она говорила, только осталось въ памяти: будешь жить въ Харьковѣ, и я буду часто къ тебе пріѣзжать. Я сказала, что онъ мнѣ не нравится.

Пріѣхавши домой, я скрыла отъ матери и сестеръ, что меня сватали, а только подругамъ по секрету, а онѣ, потомъ оказалось, по секрету сестрамъ передали; и мать знала, но мнѣ и вида не показывала, что знаетъ мой секреть.

Когда - то мы собрались втроемъ, то-есть Аннетъ, Лиза и я, пойти пѣшкомъ въ, Диканьку къ Николаю Чудотворцу[22]). Набрали прислугъ, и всю дорогу мы спорили такъ горячо, что не замѣтили, какъ мы пришли какъ разъ къ вечернѣ, и не чувствовали никакой усталости, сдѣлавши 25 верстъ. Въ то время многіе ѣздили на богомолье; потомъ и я сдѣлалась богомольная, строго наблюдала посты: кромѣ всѣхъ постовъ, по средамъ и пятницамъ; впрочемъ, тогда у насъ всѣ такъ постили. Я постоянно въ церковь ходила: ни одну обѣдню, вечерню и утреню не пропускала и все читала священное писаніе. Знакомые доставали мнѣ громадныя старинныя книги, въ кожаномъ переплетѣ полъ-аршина длины, и два вершка толщины, подъ названіемъ Четьи Минеи. Бывало, читаемъ до дурноты, но все таки четыре такихъ книги прочла.

У насъ въ саду былъ гротикъ, и я тамъ повѣсила образъ и лампаду, каждый вечеръ ходила туда, зажигала лампадку и молилась не своимь чувствомъ, а по молитвенникамъ. Вь гротикѣ было сыро, и я ходила туда до тѣхъ поръ, пока не сдѣлалась у меня на ногѣ рожа и больше мѣсяца пролежала съ ногой. Бывало, каждое утро и вечеръ стояла на молитвѣ по часу, по два. Часто ходила въ Будищанскій монастырь, тамъ подружилась съ одной монахиней, любила слушать

ея разсказы, но она не уговаривала поступить вь монастырь (большую часть, всѣ монашки имѣютъ привычку уговаривать всѣхь поступать въ монастырь), а моя монашка, не знаю почему,—потому ли что я ей всегда приносила гостинецъ, сахаръ, чай и прочее, или просто она жалѣла меня,— бывало, говорила мнѣ: „если бы вы знали, что скрывается подъ, этой рясой—зависть, ругань, ненависть другъ къ другу, а въ рясѣ и въ мантіи показываемся святошей. Нѣтъ, въ свѣтѣ, скорѣй спастись, чѣмъ мы въ монастырѣ". Разъ мать ѣздила съ нами, то-есть сестры, я и одна дѣвица Лукьяновичъ,—въ Кіевь на богомолье. Мы вездѣ тамъ побывали. Въ Лаврѣ, мы ходили въ пещеры; тамъ я боялась отстать отъ своихъ. Тамъ такая тѣснота, только по двое можно ходить. Какъ-то опередили меня двѣ мѣщанки, я прошу ихъ пропустить меня впередъ, чтобы не отставать отъ своихъ, а онѣ отвѣчаютъ,: „здѣсь не разбираютъ, кто въ шляпѣ или безъ шляпы". Потомъ спрашиваютъ меня: вы грамотны? когда сказала: да, тогда онѣ пропустили меня впередъ, съ тѣмъ, чтобы я читала надписи каждаго угодника. Кромѣ Лавры, ходили въ церковь Андрея Первозваннаго, потомъ въ Михайловскую, гдѣ мощи Варвары, наконецъ, въ женскій монастырь. Тамъ монашки начали водить насъ по всей церкви, показывать разные чудовніе образа и какой-то крестъ и вездѣ требуютъ пожертвовать: наконецъ, у матери не хватило мелочи, просить размѣнять 25 рублей, а онѣ отвѣчаютъ: „у насъ не размѣниваютъ"; значитъ, давай все. Насилу вырвались оттуда, и такъ насъ поводили и показали всѣ святости; сь тѣмъ уѣхали. А что въ городѣ, какіе виды или гулянья, мы того не видали. Вотъ, какъ было въ мое время. А теперешнія мамаши, какъ только дочери взрослыя, такъ везутъ на балъ или въ клубъ, или путешествуютъ.

Еще мать возила насъ въ Ахтырскій монастырь[23]). Тамъ большой образъ Богородицы, во весь ростъ. Тамъ былъ замѣчательный игуменъ, отецъ Сергій: маленькій, горбатый, кроткій, добрый. Монахи его очень любили. Тамъ мы встрѣтилися съ знакомой дамой, которая насъ познакомила съ игуменомъ, и онъ пригласил ь нась къ себѣ на чай. О чемъ говорили - ничего не слышала. Когда пріѣхали домой, мать связала игумену дюжину чулокъ, но нога у него оказалась громадная, какъ у великана, а я вышивала на бумажной канвѣ гарусомъ „С. Сергія", а для монастыря вышила гарусомъ орарь въ 6 аршинъ длины.

Вспомнила, что этого раньше не написала. Когда привезли изъ Москвы Аннетъ, у нея не было горничной. Взяли изъ деревни дѣвочку, которая не пріучена, а у меня двѣ пріученныя, то мать сказала,

Мазепинскій дубъ въ Диканькѣ (14 арш. въ обхватѣ).

чтобы я уступила ей Настасью, а себѣ взяла ту дѣвочку Прасковью. Я согласилася, потому что мнѣ, не нравилася Настасья, а когда Лиза пріѣхала, то ей съ деревни взяли дѣвочку. Такъ какъ она вмѣстѣ съ Аннетъ занимала комнату, то Настасья скоро ея горничную пріучила. Наши горничныя, каждая своей барышнѣ, мыла бѣлье и приносила намъ бѣлье прятать. Мы никогда сами не чесали своей головы, даже передніе волосы. Я только тогда пріучилась сама причесываться, когда овдовѣла, а Аннетъ до самой смерти горничная чесала. Бывало, когда пріѣзжали къ намъ гости съ новой прической, то моя Устинья замѣтитъ и меня такой прической расчешетъ. Сестры часто звали Устинью, когда нужно стянуть платье, потому что ихъ горничныя не могли такъ ловко застегнуть платья. Когда сестры и мать ѣздили въ гости, гдѣ намѣрены ночевать, то всегда за ними ѣхала повозка съ горничной и дорожнымъ сундукомъ съ платьями и со всѣми принадлежностями и всегда просили меня отпустить Устинью, а ихъ горничныя черезъ то возненавидѣли Устинью, ругали ее, говорили, чтобы ея кости въ дорогѣ разсыпалися, а Устинья была маленькаго роста и худая. У Якима было два ученика, поварченки. Эти поварченки, одинъ женился на Аннетъ горничной, а другой на Лизиной, а послѣ замужества у нихъ они оставалися, поэтому онѣ взяли себѣ дѣвочекъ. Аннетъ тяготилась своей дѣвочкой, говорила, что у нея нѣтъ терпѣнія ее учить, а Лизу занимала маленькая дѣвочка, она ее полюбила и сшила ей красное платье. Потомъ узнала, что ея дѣвочка воровала у нея конфекты и изъ своего платья вырѣзала кусочекъ, чтобы сшить какому-то кучеру пріѣзжему кисетъ; за это ее прогнала и больше уже не хотела брать дѣвочки. Оставалась съ одной своей женщиной; когда и замужъ вышла, то и та женщина съ нею была. Аннетъ увидѣла, что у меня и Прасковья такъ же пріучена, какъ и Устинья, просила

Анна Вас. Гоголь (Аннетъ).

перемѣниться: я тебѣ дамъ на придачу черепаховый гребень, да еще ту дѣвочку шестилѣтнюю, которая тебѣ нравится. Пришлось согласиться. Когда она подросла, у меня было три горничныхъ. У матери была ключница-вдова, мнѣ ужасно нравилась, я просила ее перемѣниться: я дамъ вамъ двухъ дѣвокъ за ключницу. Мать сказала: для чего мнѣ твои дѣвки, онѣ будутъ для гостей; мать согласилася, и такъ у меня осталось двѣ - вдова и Устинья. Но эта вдова недолго была. Не помню, годъ или два. Во время холеры она любила провожать покойниковъ, заразилась и умерла. Послѣ того у меня осталась одна Устинья; уже не съ кѣмъ было мѣняться, только годовая дѣвочка; когда отдали человѣка въ рекруты, то его жена оставалася вольная, а дети ихъ до 10 лѣтъ при матери, а отъ десяти лѣтъ должна возвратить въ экономію; а у этой женщины было одно дитя, и она пришла просить, чтобы ей подарили ея дитя, но мать не согласилась, сказала: въ 10 лѣтъ должна его привести. Такъ она бросила грудного ребенка въ кухнѣ, а сама ушла и никогда не навѣдывалась. Устинья сказала мнѣ, что бѣдное дитя въ кухнѣ кричитъ, безжалостная мать его бросила. Я его взяла и сказала Устиньѣ, чтобы дитя съ нею спало. Цѣлую

Уголокъ рабочей комнаты Гоголя.

недѣлю не давало Устиньѣ спать, пока оно забыло свою мать, и пріучила молокомъ кормить. Когда приходила Устинья меня одѣвать, то и дитя приносила ко мнѣ; я ее забавляла.

Нашъ любимый разносчикъ Федотъ Яковлевичъ каждую зиму пріѣзжалъ. У него все было: сельди, икра, осетрина, грибы, конфекты, пряники, канва, узоры, цвѣтная и почтовая бумага, игрушки, даже ситцы, и все, что нужно для деревни. Мать набирала у него; когда не хватало денегъ—то въ долгъ, а лѣтомъ пріѣзжалъ за деньгами. У него я всегда покупала цвѣтныя бумаги и золотые бордюры.

Теперь буду писать за брата, какъ онъ проводилъ время въ деревне. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ возвратился изъ Іерусалима, каждое лѣто сталъ къ намъ пріѣзжать[24]). Первый его пріѣздъ—9-го мая утромъ, въ день своего ангела; вѣроятно, думалъ, что его именины празднуютъ и хотѣлъ сюрпризъ намъ сдѣлать, а оказалось—ничего не было, ни пирога, ни шампанскаго, даже люди на панщинѣ работали. Съ пріѣзда его сейчасъ работниковъ распустили.

Прежде, когда онъ пріѣзжалъ, то занималъ комнату въ домѣ съ нами, а какъ сестры заняли его комнату, тогда онъ постоянно во флигелѣ занимался. Въ одной комнатѣ стояла его кровать и конторка, на которой онъ занимался, а въ другой комнатѣ между окнами—ломберный столъ; тамъ лежали его книги, которым онъ съ собою привозилъ. Потомъ заказалъ сделать столяру полки, вродѣ этажерки (которая у меня находится), на тотъ стол поставилъ для книгъ. Конторку желтую, на которой онъ прежде занимался, также сестры заняли, то онъ заказалъ себѣ сдѣлать черную конторку (которая теперь у меня). Въ этой самой комнатѣ, еще стоялъ, диванъ, передъ диваномъ круглый столъ, по бокамъ кресла; тамъ онъ пилъ кофе, а третьей комнаты не занималъ. Вставалъ онъ въ шесть часовъ, выпивши кофе занимался. Писалъ на конторкѣ, всегда стоя. До обѣда мы не виделися съ нимъ, потомъ, погулявъ въ саду, приходилъ къ намъ. Въ часъ обедали, после обеда въ гостиной съ нами посидитъ два часа, и все за работой; и онъ придумалъ себе работу: раскрашивалъ библейскія картины, говорилъ, чтобы я эти картины роздала мужикамъ и разсказывала имъ исторію этихъ картинъ[25]). Потомъ отправлялся пѣшкомъ въ Яворившину, но что онъ тамъ дѣлалъ—не знаю. Возвращался на вечерній чай; за чаемъ разговаривалъ, но о

чемъ—я не слышала. Послѣ; чаю отправлялся во флигель. Итакъ онъ проводилъ время каждый день.

Я стала примѣчать, что онъ любитъ, то приготовляла ему. За обѣдомъ я ставила передъ его приборомъ двѣ маленькія вазы варенія, какія онъ любилъ, водку онъ просилъ настаивать на бѣлой нехворощи; говорилъ, что она полезна. За обѣдомъ я всегда около него сидѣла. Всякій разъ, когда увидитъ, что я любимое его поставлю, всегда съ улыбкой кивнетъ головой. Бывало, какъ я увижу, когда онъ передъ

„Подъ звуки кобзы". Съ карт. Волкова.

обѣдомъ ходитъ въ саду, я тотчасъ иду въ садъ, и онъ съ улыбкой встрѣчается. Всякій разъ его улыбка меня въ восторгъ приводила; всегдашнее мое желаніе было все дѣлать, что ему нравится.

Разъ мы были въ церкви, онъ увидѣлъ, что священникъ, намъ, раздавалъ просфоры, а людямъ никому. Когда возвращалися изъ церкви, онъ шелъ со мною, положилъ на мое плечо руку, и просилъ чтобы я велѣла на каждое служеніе печь по 25 просфоръ, и на

четыре части порѣзать, отправлять въ церковь, чтобы священникъ раздавалъ людямъ, а чтобы не брать у матери муки — „я буду тебѣ высылать деньги на муку“, а пока далъ 25 рублей, и я это вполнѣ выполнила. Потомъ онъ предложилъ мнѣ: „хочешь, пойдемъ къ мужикамъ, посмотримъ, какъ они живутъ“. Я съ удовольствіемъ пошла съ нимъ. Входимъ въ первую избу, тамъ застали только одну молодицу. Она съ такимъ радушіемъ просила насъ садиться на лаву, говорила: „а мени сю ничь приснилось, что въ мою хату влетили дви птычки. Оцежъ противъ того и приснилося, що вы пришли“. Въ это время положила солому въ печь и сжарила намъ яишницу; чтобы ее не обидеть, немного поѣли. Потомъ пошли въ другую избу. Тамъ увидѣли— въ сѣняхъ чистота, аккуратно висѣли ведра и разныя хозяйственныя принадлежности; какъ видно, зажиточный мужикъ. И въ хату взглянули, но насъ не просили садиться. Братъ посмотрѣлъ и похвалилъ, его, сказалъ: видно, что трудящіеся люди. А къ другому зашли—въ сѣняхъ пустота, въ хатѣ тускло. Братъ сказалъ ему: надо трудиться и стараться, чтобы у васъ все было. Дальше не захотѣлъ; на трехъ хатахъ увидѣлъ, какъ они живутъ.

Въ другое время брать предложилъ мнѣ поѣхать къ жнецамъ, въ то время былъ плохой урожай и хлѣбъ такой низкій былъ, что нельзя было жать, и они руками вырывали съ корнями. Мы подъѣхали къ жнецамъ, братъ всталъ, подошелъ къ нимъ, спрашивалъ: тяжелѣе рвать, какъ жать? „Жать легче, а рвать—на ладони мозоли поробилися“.

А онъ сказалъ имъ въ утѣшеніе: трудитеся, чтобы заслужить царство небесное. Потомъ заѣхали въ пасѣку; тогда былъ пасѣчникъ старичекъ. О чемъ они говорили, не слыхала, только послѣднія слова: „чѣмъ старѣе, тѣмъ больше будешь спасаться“.—„Э, ни, пане, бильше гриха наберется“. Потомъ отправился домой.

По другую сторону пруда у насъ былъ садъ, который достался по раздѣлѣ Быкову. Тамъ было вродѣ лѣса, никакой дорожки не было, братъ принялся дѣлать аллеи; прежде, какъ были люди крѣпостные— три дня панщина, а три дня ихъ дни, то братъ, чтобы не лишить матери работниковъ, нанималъ работниковъ на ихъ дняхъ чистить дорожки. Самъ тамъ былъ по цѣлымъ днямъ. Разъ спросилъ у меня: ты можешь встать въ три часа, чтобы побыть около работниковъ,

пока я пріѣду. Я обѣщала встать и велѣла разбудить меня, какъ только солнце взойдетъ. Тогда у насъ былъ плотикъ, и мы переѣзжали на ту сторону. Въ 7 часовъ братъ пріѣхалъ на плотикѣ и съ благодарной улыбкой поздоровался со мною и сейчасъ же отправиль меня домой, сказалъ: „иди спать". Итакъ, за все время, пока онъ пробылъ у насъ, прочистил ь всѣ аллеи, которыя и теперь поддерживаются.

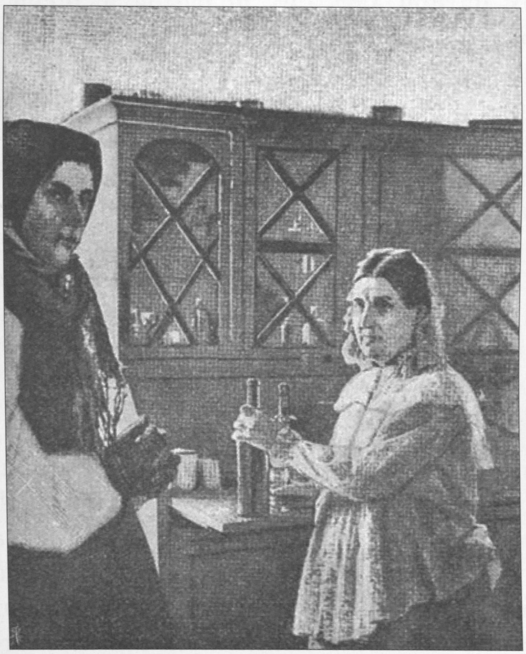
Потомъ, братъ просилъ у матери дать ему полведра наливки и велѣлъ напечь пирожковъ съ сыромъ. Когда все было готово, велѣлъ позвать тяглыхъ мужиковъ, то есть тѣхъ, у кого рабочіе волы, на крыльцѣ поставили наливку и пироги, мужики стояли около крыльца и братъ самъ наливалъ наливку, угощалъ ихъ, они пили, конечно, съ пожеланіемъ ему всего хорошаго, потомъ братъ далъ каждому по два рубля и сказалъ: спасибо вамъ, что вы своими волами моей матери орали. Это онъ дѣлалъ для поощренія, чтобы и другіе старались быть хорошими хозяевами. Со временемъ братъ присылалъ матери денегъ, чтобы она накупила хоть по теленку тѣмъ мужикамъ, у кого не было скота и мнѣ прислалъ 50 рублей, чтобы я по усмотренію своему помогала нуждающемуся.

Написалъ: ты лучше сумѣешь, какъ сестры.

Сестрами братъ былъ недоволенъ, что онѣ по цѣлымъ днямъ сидятъ на одномъ мѣстѣ, говорилъ: нужно побольше моціону. Не слыхала, что еще онъ говорилъ, а только это слово слышала: каждый человѣкъ долженъ самъ себя передѣлать. А мнѣ, не помню, когда и при какомъ случаѣ, говорилъ: „каждый христіанинъ долженъ быть полезнымъ". Дальше буду писать, когда онъ на другое лѣто пріезжалъ.

Когда братъ уѣалъ, я ломала голову, чемъ я могу быть полезной и надумала лѣчить людей; начала разспрашивать у сосѣдей, кто какими средствами лѣчитъ, и записывала, а дальше и своимъ соображеніемъ лѣчила удачно; на мою бѣду тогда явилась холера, а я не знала, чѣмъ лечить; сосѣди совѣтовали давать крѣпительное и мяту, крапивой растирать—ничего не помогало и каждый день умирали. Я просто въ отчаяніи была. Думала, можетъ не выполняли того, что я давала, сама ходила (лакея брала, чтобы несъ корзинку съ лекарствами) ко всѣмъ больнымъ, на дверяхъ стояла, чтобы при мнѣ

терли крапивой—ничего не помогало. Подъ конецъ догадалась, мяту бросила, на место мяты давала деревей, на место крѣпительнаго слабительное: ревень съ магнезіей и сахаромъ. Тогда перестали умирать. Въ то время 36 душъ умерло. Бывало, такое уныніе наводило каждый день слышать звонъ по мертвымъ. А докторовъ и фельдшеровъ по деревнямъ не было. Помѣщики сами должны были своихъ крѣпостныхъ лѣчить. Они лѣчили ромашкой, бузиновымъ цвѣтомъ и пьявками, да бабы-шептухи.



О. В. Головня принимаетъ больныхъ.

Когда я начала лѣчить людей, то мнѣ тѣсно было въ моей комнатѣ; просила, чтобы позволили мнѣ перейти въ домикъ, который былъ въ саду. Въ томъ домикѣ жила бабушка, отца мать. Тамъ двѣ комнаты. Въ одной бабушка жила, а черезъ сѣни другая комната, тамъ ея прислуга. Она умерла после отца моего; должно быть, мнѣ тогда было пять лѣтъ. Жалѣю, что я была не любознательна, не разспрашивала подробно о ея жизни, только немного по разсказу; она была изъ богатаго дома, должно быть, она дочь той Анны Васильевны, о которой мы читали въ старинныхъ письмахъ. У нихъ былъ учитель, который училъ ея братьевъ и ее. Разсказывали, какъ она забрала свои золотыя и серебряныя и прочія вещи, ушла изъ родительскаго дома, гдѣ то повѣнчалась; за это родители разсердились: ничего ей не дали, а гдѣ они жили и какъ — не разспрашивали. Потомъ братья ея подарили ей Васильевку[28]), которая намъ досталася, и тутъ она жила до смерти.

У нихъ долго не было дѣтей; на четырнадцатомъ году родился мой отецъ, единственное было дитя. За дѣдушку ничего не разсказывали, а за бабушку говорили, какъ она великолѣпно рисовала. Въ, нашей дѣтской, я помню, висѣли картины подъ стекломъ, ея рисунки. Цвѣты, какъ натуральные. Такая досада, не знаю, гдѣ они подѣвалися, а другихъ картинъ не видѣла. Соседка Цуревская разсказывала, какъ она хорошо рисовала дыню и разные фрукты, а все красками рисовала. Сейчасъ вспомнила, гдѣ, были послѣ венца дѣдушка и бабушка.

Когда то пріезжалъ къ намъ дѣдушкинаго брата внукъ, Яновскій, и онъ разсказывалъ, что дѣдушкинъ отецъ жилъ въ своемь имѣніи въ Хорольскомь уѣздѣ. У него было сто душъ крестьянъ, и это имѣніе должно было дѣлиться пополамъ моему дѣдушкѣ и его дѣдушкѣ, но мой дѣдушка уступилъ свою часть брату, тогда, какь получилъ Васильевку; значить послѣ вѣнца дѣдушка и бабушка тамъ жили, а потомъ переѣхали въ Васильевку. У нашихъ дѣдушекъ была двойная фамилія—Гоголь-Яновскій, братъ мой откинулъ Яновскій, оставилъ Гоголь, а у того дѣдушки сынъ отбросилъ Гоголь—оставилъ Яновскій, и вышло, что дѣдушкины дѣти подѣлилися не состояниемъ а фамиліями подѣлилися[27]). Когда отецъ женился, вѣроятно, тогда уже не было дѣдушки, потому что бабушка сама всѣмъ хозяйствомъ, распоряжалася, а потомъ передала моей матери, а сама жила въ томъ домикѣ. Разсказывали, когда братъ былъ маленькимъ, то ходилъ къ ней и просилъ шерсти, вродѣ гаруса, чтобы выткать поясокъ, онъ на гребенкѣ ткалъ пояски. Такъ въ этотъ домикъ просила я перейти, но мать сказала: неприлично дѣвицѣ удаляться отъ матери. Я говорила ей: „мнѣ негдѣ дѣваться съ, травами и лѣкарствомъ, позвольте хоть шкафъ заказать столяру“. Она позволила. Какъ дѣлалъ столяръ, шкафъ, я каждый день ходила разсказывать, какіе полки и ящики дѣлать, и вышла цѣлая аптека, которая и теперь мнѣ служить.

За отца кой что знаю. Когда была я еще молода, то часто слышала, какъ старики вспоминали моего отца. Разсказывали, какъ отецъ выкопалъ прудъ. „Мы тогда были малы и мы тамъ работали, намъ каждый день давали по шагу, мы такъ рады были, когда получали по шагу. Когда кончили прудъ, тогда построили водяную мельницу“ (эта мельница существовала до раздѣла. Она досталася Быкову, онъ ее уничтожилъ). Потомъ построилъ винокурню. Я помню, когда казна

наложила налогъ, за винокурню, тогда мать уничтожила винокурню; эти постройки были для дохода. Еще память его, какъ онъ, спланировалъ, садъ, я еще помню остатки, какъ было хорошо: напримѣръ, противъ балкона была зеленая трава. Между травами были разбросаны тюльпаны, а съ боку балкона цвѣтникъ, одни кустарники всевозможнаго сорта. Надъ прудомъ нѣсколько цвѣтниковъ и цвѣты вѣчные. Однолѣтнихъ цвѣтовъ онъ не любилъ. Около клена тоже цвѣтникъ. Потомъ сдѣлалъ гротикъ. По бокамъ рябиновыя деревья, противъ, гротика нѣсколько березовыхъ, деревьевъ посрединѣ кружокъ, бѣлой розы. Какъ красиво: наверху красныя ягоды рябины, а внизу бѣлое, а сбоку цвѣтникъ, цвѣты и кустарники душистые. Тамъ надъ прудомъ маслиновое дерево и всевозможные фрукты. Меня занимала одна яблоня: наверху большія полосатыя яблоки, а кругомъ, этого дерева райскія яблочки. Долго эта яблоня стояла, и тогда еще стояла, когда всѣ были малы. Потомъ дикія деревья заглушили да и слишкомъ старое было. Тогда былъ, садовникъ грамотный и по-латыни зналъ, вѣроятно, отецъ отдавалъ его учить. Какъ я помню, этотъ садовникъ-старичекъ, имя его Касьянъ. Онъ сильно пьянствовалъ и отъ пьянства умеръ. Еще оставался его ученикъ, и тотъ умеръ, тогда постепенно все уничтожалось. Только и осталось память отца,—дорожки, да по бокамъ желтая аллея. Еще много мѣста оставалося для сада; вѣроятно, отецъ не успѣлъ тамъ устроить, но мать тамъ настроила хаты мужикамъ, кажется, на три усадьбы. А на остатки съ лѣвой стороны брать продѣлалъ длинную аллею, а съ правой стороны сдѣлали дорожки: если Богъ поможетъ, то мы устроимъ тамъ фруктовый садъ. Потомъ отецъ выстроилъ церковь, за церквой лѣски. У насъ въ дѣвичьей стоялъ сундукъ длиной въ 2 аршина, вышина и ширина около аршина, на крышкѣ по серединѣ дырочка; я спрашивала, для чего эта дырочка. Сказали мнѣ, что этотъ сундукъ стоялъ у бабушки, она туда бросала мѣдныя деньги, и полный сундукъ былъ мѣдяковъ, и на эти мѣдяки построили церковь. Говорили, что церковь построена за 5 тысячъ асигнацій [28]). Отецъ постоянно былъ на службѣ у министра Трощинскаго; вѣроятно, тогда какъ устроилъ свою усадьбу. До женитьбы онъ быль военнымъ. Мать, должно быть, подъ конецъ постоянно жила въ Васильевкѣ, по тому сужу, что я только одна родилась въ Васильевкѣ, а прочіе то въ Кибинцахъ, гдѣ отецъ служилъ, то въ

Яреськахъ, у своей тетки, а братъ потому родился въ Сорочинцахъ, что тамъ былъ докторъ Трофимовскій. Разсказывали, что у матери первый сынъ родился не живой и второй тоже, такъ она за третьимъ ѣздила въ Диканьку къ Николаю Чудотворцу, отслужила молебенъ; она обѣщала—если родится сынъ, дать имя Николай; какъ напугана прежними родами, потому и жила у доктора.

Церковь въ Сорочинцахъ, гдѣ крещенъ Гоголь.

Отецъ послѣднее время началъ строить домъ; не кончивъ его —умеръ. Мать кончила. На верху былъ мезонинъ. Ей посовѣтовали снять верхній этажъ, и по бокамъ пристроить, потому что стѣны тонки и черезъ пристройки вышли длинны до безобразія.

Мужики говорили, что этотъ домъ несчастливый и потому у насъ, всѣ мужчины умирали. Одинъ старикъ, говорилъ, что когда начали строить домъ, чего то отецъ поссорился съ подрядчикомъ и уѣхалъ, а подрядчикъ былъ золъ на отца и заложилъ домъ на его голову и на весь мужской полъ и черезъ мѣсяцъ отецъ умеръ. Мужики говорили: потому и Гоголь умеръ, и всѣ наши зятья и племянники, и мужъ мой, а когда умерь мой сынъ, тогда я не пожалѣла стараго дома, сломала, даже боялась на томъ мѣстѣ строить, подвинула впередъ на цѣлый

Надгробная плита въ Яновщинѣ.

сажень. Поэтому нечего считать за предразсудки. Когда разобрали домъ, моей горничной приснилось, будто на пустомъ мѣстѣ, гдѣ была зала, много мужчинъ сидѣли разговаривали, а мой сынъ ходилъ съ другимъ съ черной бородой; должно быть, мой племянникъ Трушковскій. У него черная борода и будто мой сынъ говорилъ ей: почему ты не варишь мамѣ кофе? съ тѣмъ она и проснулась. Это было на первый день Пасхи. Она отпросилась домой и сказала: я

скоро прійду и сварю кофе; но пришла домой, заснула и этотъ сонь приснился, а я, не дождавшись ея, напилась кофе. Этотъ сонъ какъ будто доказалъ, что слѣдовало уничтожить тотъ домъ, да и братъ хотѣлъ уничтожить и на томъ мѣстѣ хотѣлъ построить новый, даже планъ нарисовалъ.

Теперь опишу тетку Катерину Ивановну. Мать увидѣла, что она не сумѣетъ хозяйничать, даже сама жить въ домѣ, цѣлый день не одѣта ходила, съ мужиками ссорилась и ни въ чемъ толку не давала; никогда чай не пила и не обѣдала, только кашу ей варили, и то вечеромъ ѣла, а въ постные дни одинъ хлѣбъ, ѣла; потому то мать и взяла ее къ себѣ, и сказала ей: „лучше домой будешь ѣздить разъ въ недѣлю, чего тебѣ нужно будетъ". Итакъ, она перебралась къ намъ и пара лошадей ея у насъ, осталась, которыя еще дѣдушку возили. Одной лошади было 30 лѣтъ, а другой 35 лѣть и она ѣздила домой только тогда, когда ей нужно чего до комода. А деньги съ дохода ея хутора она давала матери прятать.

Когда бывали наши именины, она дарила намъ по червонцу, и мать всегда должна имѣть для нея червонецъ; она другими деньгами не хотѣла дарить. Когда мы получали, то носили матери мѣнять, и она этотъ червонецъ берегла до другого требованія.

Много странностей у нея было. Какъ проснется, прислуга ей надѣвала чулки, но прежде каждый чулокъ должна въ другой комнатѣ трусить, даже подвязки; и что бы она ни надѣвала—непремѣнно въ другой комнатѣ трусить. Въ шесть недѣль разъ помадила голову сальной свѣчей, чтобы не сѣдѣли волоса. Цѣлое утро возится и постоянно опоздаетъ къ обѣду, несмотря на то, что заранѣе ее звали, потомъ, не дожидая ея садилися, все-таки она приходила на второе блюдо. Мать говорила, что она это дѣлала съ умысломъ, чтобы предъ самымъ обѣдомъ дома прочитать молитвы, а она на молитвѣ торопится и приходитъ на второе блюдо—тоже торопится, чтобы догнати до третьяго кушанія. Когда беретъ жаркое, то долго выбираетъ, какой кусокъ взять, конечно, самый большой и кладетъ такъ, чтобы зацѣпить другой, какъ будто нечаянно упалъ на тарелку. Ей прежде подавали.

Какъ только встала отъ обѣда, сейчасъ отправляется въ дѣвичью, проситъ, чтобы дали ей кусокъ хлѣба своего. Во время молитвы

ужасныя гримасы дѣлала, бывало, всѣ хохочутъ. По утрамъ съ своей горничной возилась, ругала ее: "собачья кожа, свиняча рожа". Разъ ночью спрашиваетъ у своей горничной (та спала въ другой комнатѣ): Ѳекла, съ кимъ ты балакаешь?—Съ котикомъ, сударыня. Когда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ея горничная родила, тогда Катерина Ивановна сказала ей: "такъ це той котыкъ, що ты балакала".

Катерина Ивановна хорошо пѣла, у нея былъ хорошій голосъ. Большей частью она пѣла малороссійскія пѣсни. Гости всегда просили ее пѣть, въ особенности братъ любилъ слушать ея пѣніе[29]). Долго она у насъ жила; пережила мою мать и мужа моего, ей было около 90 лѣтъ. Она иногда ѣздила къ своей дочери погостить. Бывало, тамъ полгода поживетъ, потомъ возвращается къ намъ. Ей у насъ лучше жилось.

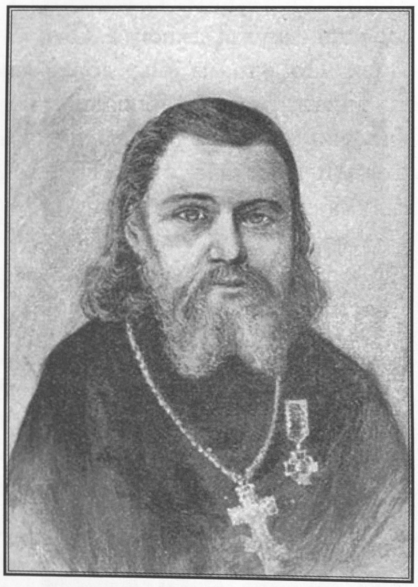
За себя скажу, много слезъ я пролила черезъ свою глухоту, часто мнѣ доставалось, если я что невпопадъ отвѣчала гостямъ, сестры конфузились мною. Какъ тяжело мнѣ было, но зато пріучила себя: до тѣхъ поръ не отвѣчать, пока не попрошу громко мнѣ сказать; но, благодаря моему характеру, не предавалась своей скорби. Постоянно какая нибудь фантазія являлась: иногда во время лунной ночи соберу горничныхъ, отправляюся въ садъ и заставляю ихъ петь, потомъ сядемъ на плотикъ, мнѣ нравилось на водѣ слушать пѣніе, а деревенскія дѣвки на своемъ берегу поютъ. Я велѣла подъѣхать къ нимъ. Горничныя приглашаютъ, ихъ къ намъ, а онѣ спрашивали: вы сами? Сами. Всѣ вспрыгнули; какъ увидѣли меня, хотѣли назадъ; но я крикнула: скорѣй отъѣзжайте, и дѣвки осталися. Долго онѣ соромилися пѣть, наконецъ, всѣ запѣли и я съ удовольствіемъ каталась и слушала пѣніе, потомъ отвезли дѣвокъ къ ихъ берегу. А иногда въ саду при лунѣ гуляю, а дѣвки сзади меня поютъ. Разъ на большой аллеѣ подошли къ плетню, смотрю: огонекъ, съ папиросой приближается къ намъ, въ это время дѣвки поютъ, не перемѣняя голоса: „барышня тутъ", а тотъ огонекъ удалился, а я послышала тѣ слова, смѣялася и стыдила ихъ. А иногда днемъ съ Устиньей на плотикѣ переѣду на ту сторону въ садъ, тогда еще не было дорожекъ. Мы сидѣли подъ тѣнью съ работой. Она мнѣ разсказывала, какъ сестеръ горничныя, когда затеряютъ своей барышни простыню, или что другое, то у вашей простыни отпорютъ мѣтку. Я смотрю — нѣтъ вашей простыни, пошла у нихъ искать, по рубцу узнала, и таки

отняла. Иногда мнѣ приходилось горько, - я ей разсказывала. А зимнее мое занятіе: горничныя мои пряли нитки, я наматывала на моточки и давала сосѣдкѣ, чтобы она въ Полтавѣ продала. Потомъ пришла охота прясть, купила прялку, на ней пряла. Съ этой прялкой иногда въ гостиной по вечерамъ пряла. Сестры своей работой были заняты, мать смотрѣла, какъ я пряла, и говорила: если-бы тебя снять за этой работой.

Прудъ въ Яновщинѣ.

Потомъ затѣяла собирать жертвы на колоколъ. Въ нашей церкви слишкомъ малъ колоколъ. Для этого я посылала лакея по селу собирать на колоколъ, хоть по копѣйкѣ, а у кого нѣтъ денегъ, то мукой, хоть по гарнцу, и всѣ охотно жертвовали. Разъ меня удивило, когда одна баба принесла 10 коп. Я спрашивала, зачѣмъ такъ много даешь? она отвѣтила: „Мнѣ приснилося, будто пришелъ старикъ, говоритъ: „Ты больна, дайтѣ деньги, что у тебя есть, на колоколъ, будешь здорова, потому и принесла, сколько было“. Да еще ящикъ

повѣсила въ своей комнатѣ на стѣнѣ. Кто войдетъ въ мою комнату, бросаетъ туда. Всѣ охотно жертвовали. Разъ поваръ принесъ 1 руб., говорилъ: я пообѣщалъ, если продам корову, пожертвовать на колоколъ. Продала нѣсколько мѣшковъ муки, которую жертвовали по мискѣ, такимъ манеромъ собрала 100 рублей. Поѣхала съ сосѣдкой въ Полтаву, купила колоколъ за 120 руб., подумала, что дѣлать, не хватало 20 рублей. Я сказала священнику, чтобы онъ посылалъ, за колоколомъ и доплатилъ изъ церковныхъ денегъ. Когда повѣсили колоколъ, тогда было слышно въ Шарлаевкѣ и на Воронянщину, когда звонили.



О. Матвѣй Константиновскій.

Эта сосѣдка, съ которой я ѣздила, Цуревская, замѣчательно добрая, она жила въ Воронянщинѣ, 1/2 версты отъ насъ. Мы иногда пѣшкомъ къ ней ходили. Она каждый праздникъ пріѣзжала въ церковь и у насъ цѣлый день просидитъ. Бывало, какъ пріѣдетъ— разскажеть всѣ новости въ одинъ разъ, а потомъ не о чемъ говорить, тогда сидитъ и дремлетъ. Она часто намъ присылала пирожки, замѣчательно вкусные. Посылала верхомъ, чтобы были горячіе. Иногда присылала въ банкѣ вродѣ маринада съ осетриной. Ея двѣ дочери рѣдко бывали дома, онѣ гостили у своихъ тетушекъ, а иногда у насъ. Въ другомъ мѣстѣ буду о нихъ говорить.

Вспомнила то, что следовало въ первой части написать. Мать съ сестрами ѣздила къ Трощинскому, въ Кіевсвской губерніи, въ его имѣніе Кагарлыкъ. Тамъ пробыли всю зиму, а я оставалася съ теткой и пригласила погостить Цуревской дочь. Но какую праздную жизнь провела я съ ней, просто совѣстно вспоминать. Бывало, по цѣлымъ днямъ сидимъ, подсолнышки ѣдимъ, а дѣвокъ заставляли пѣть ; онѣ прядутъ и поютъ, потомъ перестаютъ.—Что же вы не поете? „Да вже

обрыдло спивать". Тогда посылаю, чтобы съ панщины позвали двухъ дѣвокъ. Онѣ сначала соромилися, потомъ за пряжей пѣли. По утрамъ мы долго валялись въ постели, вечеромъ сидѣли на диванѣ, разговаривали... Только что начали говорить за тетку Катерину Ивановну, какія у нея причуды, вдругъ она отворяетъ двери и пристала къ намъ, что такое говорите вы? Чтобы отвязаться, выдумали вродѣ комплимента, и она успокоилась. У нея привычка за дверьми подслушивать. Вотъ, какъ безполезно мы проводили время. Впрочемъ, за это время я и дѣло сдѣлала. Приходилъ приказчикъ и говорилъ: „что дѣлать? скоро будетъ ярмарка, а у насъ горѣлки и денегъ нѣтъ, барыня у шинкаря забрала всѣ деньги (тогда былъ свой шинокъ)". Спрашиваю, много надо денегъ?—Рублей семьсотъ: нужно 1 бочку сорокаведерную и бочку 20-ведерную и еще въ Яреськи 20-ведерную. На другой день я поѣхала къ сосѣду Воронянскому просить занять 700 рублей. Послѣ ярмарки обѣщала возвратить. Онъ занялъ. Я отдала приказчику, велѣла стогъ сѣна вывезти на ярмарку, продавать пудами, въ случаѣ, если не вся водка выйдетъ, чтобы уплатить долгъ. Кончилась ярмарка, вся горѣлка вышла, даже и тотъ боченокѣ вышелъ, который былъ купленъ въ Яреськи, и такъ 700 руб. возвратила Воронянскому, а на остальныя купила еще двѣ бочки 2-хъ ведерныя. Это было на Алек. ярмаркѣ. Потомъ наши пріѣхали и привезли мнѣ отъ Трощинскаго подарокъ: на платье шелковое, плотная матерія. Онъ всѣмъ намъ троимъ купилъ на платье.

Въ одно время, когда былъ Трушковскій дома, вздумалось намъ переодѣться—я мужчиной, а Трушковскій дамой. Сѣли верхомъ на лошади и поѣхали къ Цуревской. Она радушно насъ встрѣтила и угощала насъ шипучимъ медомъ. Мы шагомъ ѣхали, потому что я въ первый разъ сѣла на лошадь, да еще на мужскомъ сѣдлѣ. Въ другой разъ я сама съ, кучеромъ ѣздила верхомъ къ ней и, какъ шагом ѣхала, то кучеръ говорилъ: такъ можно и заснуть. Меня это задѣло; я пустилась рысью, такъ было тряско, ноги натерло, что не захотѣла больше ѣздить верхомъ, только на своей Триндычкѣ.

У насъ бывала одна девица, Кардашевская, но не помню ея родословіе, кажется, она жила въ Опошнѣ. Она предложила мнѣ ѣхать въ Лубны, гдѣ мощи Афанасія угодника, говорила – его будутъ переодѣвать, это такая рѣдкость. Мы сговорились пополамъ расходы. Попросила у матери лошадей и поѣхали. Только осталось въ памяти,

когда мы были у вечерни. Посреди церкви вышли 12 монаховъ пѣли. И всѣ, какъ одинъ, толстяки, и водка отъ нихъ пахла, а въ обѣднѣ за толпой не видѣли, какъ переодѣвали. Съ тѣмъ возвратилися домой. Какая радость тамъ была—застала брата. Я ему разсказала, что я вздумала лѣчить людей. Хотѣлось травами лѣчить, но не знаю названія цвѣтовъ. Онъ сказалъ: „поѣдемъ на ту сторону, какъ тамъ есть полевые цвѣты". Кое-какихъ травъ сказалъ названіе, а нѣкоторыхъ не зналъ. Потомъ сказалъ: погоди, я выпишу изъ Кіева профессора-ботаника, Максимовича[30]), онъ тебѣ разскажетъ; а пока будемъ собирать разные цвѣты, складывать въ тетрадь подъ прессъ. Когда брать быль свободенъ, то говорилъ: "Поѣдемъ, въ Яворившину, бери заступъ, нѣкоторые цвѣты нужно съ корнемъ выкапывать." И бродили по всему лѣсу искать, какіе были цвѣты; въ другой разъ поѣхали въ Стѣнку. Недалеко отъ дороги было стадо дрофъ; брать велѣлъ остановиться, всталъ, подошелъ немного ближе къ стаду и, примѣрно обѣими руками, какъ будто ружье держалъ (но онъ никогда не стрѣлялъ), тотчасъ же сѣлъ на дрожки; пріѣхали въ Стѣнку, взяли заступъ, нашли желтые цвѣточки; онъ сказалъ: это рабинка, нарвемъ этихъ цвѣтовъ, сдѣлай на водкѣ настойку, она полезна; будешь подавать мнѣ, на мѣсто бѣлой нехворощи. Пошли дальше, явился сторожъ, братъ съ нимъ разговорился и шелъ дальше, а я, какъ только увижу новый цвѣтокъ, рвала. Одинъ нужно было съ корнемъ пока выкопала корень—брата не видно; я пошла слѣдъ искать и заблудилась въ лѣсу. Такъ какъ я рѣдко тамъ бывала, потому не знала куда, а уже начинало темнѣть; наконецъ увидала—внизу скотъ пасется; тогда увидалъ меня пастухъ, прибѣжалъ - говорить: Николай Васильевичъ разослалъ васъ шукать. Сторожъ гукалъ, тогда

Проф. М. Максимовичъ.

всѣ сошлися. Когда ѣхали, уже темно стало; даже братъ говоритъ: не говори матери, что ты заблудилась, сегодня она говорила—критическій день, а то она еще больше будетъ вѣрить въ критическіе дни. Никакъ не могъ брать уговорить ее, чтобы она не примѣчала критическіе дни. Потомъ я жаловалася брату, что мать не позволяетъ мнѣ переходить въ тотъ домикъ, гдѣ бабушка жила, и что, при моихъ занятіяхъ, въ моей комнатѣ тѣсно; такъ онъ уговорилъ мать и

Гербарій, собранный Гоголемъ.

просилъ ее, чтобы пристроили къ той комнатѣ и другую, такъ какъ въ одной комнатѣ жила полька (за польку дальше опишу). Итакъ, у меня была спальня, а другая аптека. Когда пріѣхалъ профессоръ-ботаникъ, мы ему показывали тетрадь со всѣми цвѣточками и листьями[31]). Онъ разсказывалъ: какой цвѣтокъ, стебель треугольный, какъ называется; а когда я спросила такой цвѣтокъ—для какой пользы и отъ какой болѣзни лѣчитъ—того онъ не сказалъ; тогда я сказала брату: не стоитъ того, чтобы безпокоить профессора, когда онъ не знаетъ, какими травами лѣчить. И такъ мы оставили этимъ дѣломъ заниматься. Профессоръ любилъ слушать малороссійскія пѣсни; Катерина Ивановна ему пѣла, а иногда сидѣли на крыльцѣ,

призывала лирника пѣть, еще кой-какіе парубки пѣли, не помню, чѣмъ еще его занимали, онъ двѣ недѣли погостилъ. Разъ пріезжалъ брата товарищъ, съ которымъ учился въ Нѣжинѣ — Данилевскій и жена его; она была въ почтенномъ состояніи; послѣ обѣда сѣли въ карты играть: Данилевскій его жена, мать и Аннетъ, а братъ, по обыкновенію, отправился въ Яворившину. За картами Данилевскаго жена сказала: пора ѣхать, что-то нездоровится. Пока подали лошадей, а она - ой, ой, не могу... болитъ! Пришлось оставаться у насъ ночевать. Какъ у брата во флигелѣ одна комната лишняя, туда ихъ пристроили. Къ вечеру посылали за бабой. Ночью меня будять, говорятъ, что Николай Васильевичъ зоветъ. Прихожу къ брату, онъ въ постели лежалъ, и спрашивалъ, чего она стонетъ, не можешь ли ты ей помочь? Я сказала—уже есть баба.

— Такъ чего она такъ кричитъ?

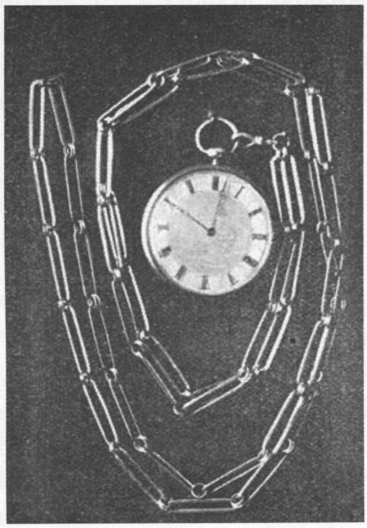
— Потому что она не терпѣлива. Успокоила его, съ тѣмъ ушла, а утромъ родился у нихъ сынъ; вечеромъ, окрестили мать съ братомъ, потомъ они переѣхали къ Чернышу.

Кромѣ Данилевскаго, у насъ бывали гости, но братъ не ко всѣмъ выходилъ. Онъ любилъ только съ тѣми разговаривать, которые занимаются хозяйствомъ. Разъ у насъ былъ Трофимовскій и братъ съ нимъ долго разговаривалъ. Подхожу я къ нимъ, а братъ, обращается ко мнѣ: послушай, какой онъ хозяинъ!—и проситъ Трофимовскаго говорить громче, чтобы и я послушала, какъ она, ведетъ свое хозяйство. Еще одинъ гость пріезжалъ изъ Миргорода, забыла, какъ его фамилія; онъ никогда у насъ не бывалъ. Всѣ сидѣли въ гостиной; но какъ гость съ братомъ разговаривалъ, то мать и сестры ушли, а я около брата сидѣла. Хотя ничего не слышала, о чемъ они говорили, но мнѣ пріятно было сидѣть съ нимъ. Когда тотъ гость уѣхалъ, тогда братъ сказалъ: всѣ вы оставили меня, только одна Ольга была со мною. Теперь пишу, мнѣ пріятно воспоминаніе о немъ. Бывало, какъ, пріезжали гости, я иду къ нему сказать—гости пріехали. Онъ открываетъ двери, а перо за ухомъ, спрашиваетъ: кто? Если ему не интересный гость, тогда скажетъ: скажи, что меня дома нѣтъ.

Разъ онъ ѣздилъ съ нами въ Сорочинцы къ Трофимовскому; тамъ же и графъ Гудовичъ. Только и помню, какъ мадамъ, Трофимовская и мадамъ Гудовичъ кокетничали, а братъ съ ними шутилъ. Пріѣхали

домой, застали разносчика Федота Яковлевича, онъ пріѣхалъ за долгомъ. Мать сказала: у меня теперь нѣтъ денегъ. Братъ спросилъ, сколько вы должны? 300 рублей.— Я заплачу, но только съ условіемъ, чтобы никогда не брали въ долгъ. Да еще братъ ѣздилъ въ Кіевъ на недѣлю, а мнѣ поручилъ запереть флигель. Братъ иногда съ Лизой игралъ въ шахматы; тогда и я выучилась играть; онъ разсказалъ мнѣ ходы и названія, но играть съ нимъ не приходилось.

У Цуревской дочь выходила замужъ. Мы и братъ ѣздили на свадьбу. Тамъ братъ поскучалъ, хотѣлъ раньше уѣхать, но его упросили остаться поужинать. Послѣ ужина братъ сказалъ мнѣ: поѣдемъ домой. А прочіе еще остались. Итакъ мы вдвоемъ пріѣхали домой; онъ заставилъ меня играть малороссійскія пѣсни, въ особенности ему нравилось „ой, на двори метелиця". При этомъ тупалъ ногой и напѣвалъ; и прочія пѣсни играла, тоже напѣвалъ. Потомъ наши пріѣхали, тогда разошлися спать. Братъ замѣтилъ, что я не люблю подарки; какъ видно, ему хотѣлось что-нибудь дать мнѣ, поэтому давалъ мнѣ прятать клеенчатую тальму, говорилъ: можешь надѣвать отъ дождя—и складной аршинъ. Потомъ даетъ часы и говоритъ: „спрячь, это память Пушкина. На таком часѣ и минутѣ остановились, когда его не стало"[32]).



Часы Пушкина, подаренные Гоголю Жуковскимъ.

Я для того старалась ему показать, что не люблю подарковъ, чтобы онъ видѣлъ, что я не изъ интереса была расположена къ нему.

Когда поспѣлъ тернъ, я сказала брату: какая великолѣпная наливка изъ терну.

— Какъ бы сдѣлать?—Налить можно, но не скоро поспѣетъ.

— Такъ сдѣлаемъ, скороспѣлку. Велѣлъ принести новый горшокъ, наложилъ полный горшокъ терна, потомъ налилъ водку, накрылъ ее, замазалъ тѣстомъ, велѣлъ поставить въ печь, въ такую, какъ хлѣбъ сажаютъ. На другой день вынули, поставили, пока простыло. Вечеромъ открыли: цвѣтъ великолѣпный и на вкусъ ему очень понравилось. Онъ поналивалъ въ бутылки и съ собой взялъ. А въ сентябрѣ онъ уѣхалъ. Грустно мнѣ было, но я утѣшалась тѣмъ, что лѣтомъ опять пріѣдетъ.

Вспомнила: когда братъ былъ у насъ, тогда Трушковскій кончалъ гимназію первымъ ученикомъ[33]). Братъ посовѣтовалъ ему поѣхать въ Казанській университетъ и далъ ему письмо къ директору и денегъ на проѣздъ. Еще вспомнила, какъ сестры жаловались брату, что у насъ въ залѣ зимой невыносимый холодъ. Онъ принялся закупоривать, посылалъ купить дубовыхъ досокъ, въ передней однѣ двери замуровали, а на мѣсто другихъ дверей, которыя въ залѣ, велѣлъ столяру сдѣлать двери съ разноцвѣтными стеклами, только придѣлать, чтобы не отворялись,—(эти двери я пристроила въ новомъ домѣ),—а переднюю обратить на буфетъ, а гдѣ былъ буфетъ, тамъ выходъ на крыльцо. Потомъ велѣлъ окна подѣлать новыя, гдѣ были попорчены, да еще сдѣлалъ себѣ шкафъ для книгъ изъ дубоваго дерева. Послѣ его смерти Аннетъ взяла его себѣ. Разъ прислалъ намъ братъ подарокъ, матери тысячу рублей, а намъ по сто рублей. Трушковскому 50 рублей на ружье, но онъ никогда въ руки не бралъ ружья. Мать на эти деньги сдѣлала каменную ограду вокругъ церкви, сестры купили себѣ золотыя вещи, а я купила токарню ручную и разные инструменты; я истратила 200 рублей, а 1000 рублей пошли на уплату процента за долгъ.

Какими судьбами попала къ намъ полька? Бабушка, Анна Матвеевна Трощинская, выписала ее изъ Польши для экономки, но оказалась неспособной, и ей неловко было отказывать; то мать, чтобы избавить тетку отъ хлопотъ, взяла ее для меня няней; но она не любила дѣтей, а тѣмъ болѣе, я ее дразнила, работу ея разбрасывала. Потомъ мать перевела ее въ тотъ домикъ, гдѣ бабушка жила, и поручила ей по молочной части. Оказалось, и по этой части она не способна, и такъ она осталась безъ всякой должности. Ей дали прислугу, отъ стола посылали обѣдъ и чай; такъ она прожила у насъ 18 лѣтъ. Она, сидя въ своей комнатѣ, постоянно

была въ занятіяхъ. Пряла, а по праздникамъ ножикомъ вылущивала зернышки изъ дыни, косточки изъ вишенъ разбивала, а иногда польскій молитвенникъ читала. Никогда не видно было, чтобы она ничего не дѣлала, а на именины матери она приносила подарокъ своей работы. Пряжу и зернышки. Мать дѣлала изъ зернышекъ дынь пирожное „вѣнчики", а я изъ косточекъ перегоняла спиртъ. Когда бывали у насъ гости, то ходили къ ней, и она гадала имъ на польскихъ картахъ. Разъ кто-то ей сказалъ, что она не угадала.— „Это карты виноваты; я ихъ накажу"! Вѣроятно, не на шутку разсердилась, высѣкла карты и отдала Трушковскому. Онъ тогда былъ еще малъ. Начала новыми картами гадать. Каждый годъ ее возили въ Полтаву говѣть. Когда я жила съ нею по-сосѣдству, то она иногда являлась ко мнѣ. Насколько она не любила меня, когда я была малой, настолько полюбила взрослой, иначе не звала меня, какъ „голубонько". Я всегда заботилась о ней. Что сама ѣла, то и ей посылала, и никогда не забывала. Вотъ ужъ именно—она покойно прожила 18 лѣтъ. Передъ смертью она почувствовала, что должна умереть, послала позвать мою мать, благодарила ее за пріютъ и давала ей свои ключи отъ сундуковъ; но мать не взяла ключи сказала: вы еще будете жить. На это время я пригласила сосѣдку Гуринову, чтобы не страшно было, и эта дѣвица ходила къ ней и видѣла, какъ она приготовлялась къ смерти. Умылась, платкомъ подвязала уши, велѣла прислугѣ подать чистое бѣлье, и платье, и чепчикъ на голову. Когда въ другой разъ вошла эта дѣвица, услышала ея слова: "все мое пропало". Вѣроятно, она видѣла, какъ прислуга рылась въ сундукѣ, какъ видно, жалѣла, почему мать не взяла ключи. Потомъ ничего не могла больше говорить и умерла.

Сосѣди наши, двѣ старыя дѣвицы Пселовы, тетки Михаила Ивановича Псела, предлагали намъ сиротку. Разсказывали, въ Сорочинцахъ становой умеръ, а жена его раньше умерла. Четверо дѣтей осталось и никого родныхъ у нихъ не было, и они, бѣдняжки, у мужика жили. Одну дѣвочку 8 лѣтъ, Елизавету, Пселовы взяли, другую 12 лѣтъ, Александру, Жданова взяла, а еще третья осталась. Мы просили мать позволить взять намъ самую младшую, но мать затруднялась тѣмъ, что, кромѣ насъ, и дѣвочку нужно одѣвать.—Мы сами будемъ ее одѣвать! А Трушковскій говорить: я башмаки буду покупать.

Наконецъ, упросили, привезли намъ Эмилію[34]), которая и теперь замужемъ за докторомъ К. Лиза больше всѣхъ съ нею возилась, у нея на рукахъ было бѣлье и вся одежа, она сама одѣвала ее. Когда подросла Миля, тогда начали ее учить. Пселовы привозили свою дѣвочку, той было 8 лѣтъ. Говорили, что намъ дѣлать съ этой дѣвочкой: пока мала, мы тѣшимся, а когда подростетъ, мы не въ состояніи ее учить. Мать похлопотала въ институтѣ. Какъ она круглая сирота, то ее приняли на казенный счетъ; а мальчика мать послала Трощинскому, чтобы онъ учился вмѣстѣ съ дѣтьми управляющаго, а старшая дѣвочка переросла въ институтъ. Пселовы говорили, что Жданова обижала ту дѣвочку. Мнѣ жалко было ее; когда братъ пріѣзжалъ, то я просила его уговорить мать принять ее. По просьбѣ брата, она согласилась ее принять. Что-то мало помню, какъ она у насъ жила, то есть росла; а когда взрослая была, ее мать полюбила и, когда я вышла замужъ, то сама съ нею жила. Мать хлопотала, чтобы ее выдать замужъ за священника при нашей церкви, но не удалось; потомъ за нее буду писать. Мать съ сестрами второй разъ ѣздила въ Кагарлыкъ къ Трощинскому погостить, а я оставалась съ сиротками, заставляла ихъ читать и подъ диктовку писать. Милю начала учить на фортепіано.

Теперь опишу, какъ я перешла на новое жительство, гдѣ бабушка жила. Я называла этотъ домикъ хатынкой. Итакъ, въ моей хатынкѣ двѣ комнаты, въ спальнѣ кровать, въ углу образная; столъ оригинальный я заказала столяру сдѣлать: вверху уже, а внизу шире. Отворялась доска; а когда нужно работать, тамъ лежалъ весь матеріалъ, т. е. цвѣтная бумага, картоны, цвѣтныя стекла и токарня; а на стѣнкѣ навѣшаны инструменты. Въ другой комнатѣ аптека, письменный столъ и нѣсколько стульевъ. Я любила дѣлать коробочки съ разноцвѣтными стеклами, довольно красивыя, и теперь нѣкоторыя находятся у дѣтей сестры. Потомъ съ проволоки намиста дѣлала, сережки для деревенскихъ дѣвочекъ, за серьги онѣ носили мнѣ травы для аптеки. Потомъ попросила маленькаго мальчика быть моимъ "аптекаремъ" и учила его грамотѣ. По цѣлымъ днямъ была занята, даже при мужѣ; мотала нитки, которыя мои горничныя пряли. Бѣда мнѣ была со свѣчами. Мать велѣла давать мнѣ одну свѣчу на нѣсколько вечеровъ, для того чтобы я не сидѣла долго по ночамъ; и потому я продавала сосѣдямъ коробочки, чтобы покупать свѣчи, а

когда вышли первыя лампы,—тогда онѣ были на постномъ маслѣ,—то я купила лампу и покупала олею: все-таки лучше, чѣмъ сальныя свѣчи. Одно время мнѣ нравилось чуть свѣтъ вставать, и Устинья со мною работала. Иногда ѣздила съ Устиньей въ Яворивщину травы собирать. Въ домъ ходила я обѣдать. По утрамъ обязательно хоть на минуту должна придти къ матери, добраго утра сказать, а также спокойной ночи; а иногда вечеромъ съ нею посидѣть. Она по вечерамъ въ спальнѣ сидѣла, чулокъ вязала, а иногда читала.

Мыло, привезенное Гоголемъ изъ Іерусалима.

Крестъ натѣльный Н. В. Гоголя.

По праздникамъ—пасьянсъ раскладывала или гадала. Поневоле нужно было съ нею посидеть, а то она говорила: никто изъ васъ не хочеть со мною посидеть. Аннетъ тоже приходила пожелать спокойной ночи, а Лиза никакъ не могла себя принудить придти къ матери: ужасно она была холодна къ матери. Она съ малыхъ лѣтъ няню любила больше, чѣмъ мать, вѣроятно, потому, что она была любимицей и мать была такъ неосторожна—отличала ее отъ другихъ. Аннетъ была мастерица чепчики шить. Она шила матери съ разными лентами, какіе тогда носили, но до какой степени мать бывала невыносима и подозрительна и непремѣнно требовала къ ней съ почтеніемъ. Разъ

я сказала: дайте мнѣ иголку...– Не можешь сказать „пожалуйста“, а не „дайте“.

Когда я перешла на новое жительство, тотчасъ написала брату, съ какимъ нетерпѣниемъ ждала его и приготовляла для него, что онъ любилъ; еще тотъ разъ я заботилась, чтобы всегда былъ черствый хлѣбъ, онъ не любилъ мягкій хлѣбъ. Наконецъ, пріѣхалъ братъ. Привезъ мнѣ лечебники[35]), двѣ книги съ полевыми цвѣточками и пять книгъ лексиконъ, въ которомъ все, что нужно по хозяйственной части: леченіе людей, всѣхъ животныхъ и проч. Это былъ для меня драгоцѣнный подарокъ. Ему очень понравилось, какъ я устроилась.

За этимъ пріѣздомъ было его занятіе — тоже готовить для посадки. Нанялъ работниковъ, велѣлъ копать ямки. За церквой, за лѣсками, сдѣлалъ клинчикъ (мужики называютъ балалайка), тамъ велѣлъ засадить жолудями, а между ними яснину, чтобы была защита отъ солнца, пока дубки подрастутъ, и тогда срубить яснину. Но наши люди тайкомъ свой скотъ туда пускали, и скотъ загрызъ дубки; кой гдѣ есть дубки, но не растутъ. И такъ осталась только яснина. Потомъ велѣлъ копать ровъ отъ тѣхъ лѣсковъ, которые за церквой, до конца, чтобы безъ него насадили жолуди. Просилъ мѣрку засадить жолудей. Говорилъ: какой лѣсъ будетъ дубовый! А я говорю: кто его дождется?.

Печать Н. В. Гоголя.

—Кто дождется, тотъ скажетъ: царство небесное тому, кто насадилъ.

Потомъ заставилъ работниковъ копать ровъ кругомъ и эту землю на середину насыпать. Образовалась высокая могилка, хотѣлъ за другимъ пріѣздомъ еще выше сдѣлать, но не удалось пріехать кончать. Онъ хотѣлъ сдѣлать возвышенность. Говоритъ: будетъ видно усадьбу и лѣсъ Черныша[36]).

Сестры говорили брату, что въ домѣ всетаки холодно. Онъ сказалъ: въ следующій разъ когда пріѣду, выстрою новый домъ.

Нарисовалъ планъ, показывалъ, расположеніе комнатъ: спальня, комнаты Аннеты, комнаты Лизы, залъ, гостиная, дѣвичья, кладовая, и три комнаты для его пріѣзда.

Аннетъ спрашивала: а для Оли? Онъ улыбнулся и сказалъ: она можетъ безъ меня мои комнаты занимать. Да еще хотѣлъ какую-то мельницу построить, чтобы давала доходъ. За этимъ разомъ онъ по утрамъ гулялъ въ саду и по дорогѣ заходилъ ко мнѣ, и всегда спрашивалъ Устинью: Ольга спитъ? Иногда отвѣтить: спитъ; тогда онъ на возвратномъ пути заходилъ ко мнѣ. Ему интересно было видѣть мои занятія. Говорилъ: когда лечишь больныхъ, не бери никогда ничего отъ нихъ. Я говорила ему: въ лечебникѣ я нашла лекарство отъ такой-то болѣзни, а у меня нѣть такого лекарства. Онъ далъ двадцать пять рублей.

—Когда выйдутъ эти деньги, то напиши; я всегда буду высылать деньги на лекарство.

Какъ видно, смотрелъ, чего мнѣ еще нужно, чтобы въ слѣдующій пріѣздъ привезти. Разъ принесъ мнѣ большую, изъ толстаго стекла, кружку для соды и сказалъ, чтобы я купила аптечные вѣсы. За свиданіе сестеръ съ братомъ ничего не могу сказать, потому что я совсѣмъ отдѣльно отъ нихъ жила, а за обѣдомъ или когда со всѣми въ гостиной сидѣли, ничего не слышала, о чемъ они говорили, но узнала, что братъ и къ нимъ заходилъ иногда.

И то потому узнала, что Лиза спрашивала у меня: что ты дѣлала въ своей комнатѣ? братъ хвалилъ твое занятіе, а намъ замѣчаніе сдѣлалъ.

Братъ заботился, какую бы обязанность дать сестрамъ. Хотѣлъ, чтобы онѣ по хозяйству какую часть взяли, но онѣ не захотѣли. Онъ видѣлъ, что Аннетъ совѣтница матери, а Лиза ничѣмъ не занимается; то братъ сказалъ Лизѣ: хоть за эту часть возьмись: записывать приходы и расходы, которые мать выручала съ имѣнія, и чтобы присылала ему счетъ. А мнѣ поручилъ всѣ ямки, которыя наготовилъ осенью, засадить деревьями, а канавы жолудями.

Братъ говорилъ, что друзья уговаривали его не ѣхать въ Римъ, а оставаться въ Москвѣ зимовать. Но онъ жаловался на боль въ пра-вомъ боку. Ради того онъ ѣздилъ въ Римъ, что не выносилъ зимняго воздуха, а друзья думали, что онъ мнительный, упросили

его оставаться. Онъ говорилъ: попробую зимовать въ Москвѣ,— такъ онъ началъ собираться ѣхать. Мать сказала ему, что кузина просила его очень пріѣхать къ ней, то братъ рѣшилъ по дорогѣ заѣхать къ ней, такъ какъ она жила между Полтавой и Харьковомъ; и когда сказалъ, что заѣдетъ къ кузинѣ, то мать и я съ нимъ ѣздили. Пріѣхавши въ Полтаву, мать всегда останавливалась въ корпусѣ у инспектора Скалона, куда и мы съ братомъ заѣхали. Вечеромъ мадамъ Скалонъ предложила ѣхать къ генералу Яновичу. Мадамъ Скалонъ, дочь ея 16 лѣтъ, мать, братъ уѣхали, а я не захотела. Въ 12 часовъ возвратились. Скалона дочь говорила мнѣ: Николай Васильевичъ большую часть все про васъ говорилъ и расхваливалъ васъ.

Мнѣ было лестно слышать. На другой день пріѣхалъ верховой изъ деревни, привезъ письмо отъ Быкова, въ которомъ тотъ писалъ предложеніе Лизѣ; и Аннетъ писала, что Лиза желаетъ и согласна. Мать была недовольна. Братъ и мадамъ Скалонъ уговорили ее. Она написала Быкову, чтобы онъ пріѣхалъ. Когда пріѣхали къ кузинѣ, я опять встрѣтилась съ тѣмъ, въ котораго была влюблена. Потомъ пріѣхалъ изъ Харькова тотъ, который меня сваталъ. Онъ тогда уже былъ директоромъ, вѣроятно, ему дали знать, что мы пріѣхали, но мнѣ было не до нихъ. Я грустила, что братъ уѣзжаетъ, и отъ брата не отходила, даже когда онъ разговаривалъ съ кузиной. Досадно было, что не слышу ихъ разговора. Говорила: какъ грустно, что я не слышу.—Тѣмъ лучше.

— Почему лучше?

— Потому что меньше дурного будешь слышать.

Потомъ мы пошли съ братомъ въ садъ. Около сада церковь. Мы черезъ форточку вошли въ ограду и въ церкви на крыльцѣ сидѣли и разговаривали.

Только что начала говорить за мать, какая она подозрительная, какъ она является. Тогда мы встали и пошли въ садъ. На другой день мы разстались. Онъ поѣхалъ на Харьковъ, а мы домой, но никакого предчувствія не было, что мы разстались навсегда. Когда читать мои письма, которыя братъ ко мнѣ писалъ, тогда видно, что я все то писала, что было, а первое письмо, которое мнѣ не понравилось, это онъ писалъ тогда, когда ѣвздилъ въ Іерусалимъ. Тогда

онъ былъ въ такомъ настроеніи духа; вѣроятно, потому онъ тогда напечаталъ „Письма къ друзьямъ“ и „Завѣщаніе“. А когда возвратился изъ Іерусалима, тогда совсѣмъ не тотъ былъ; можно судить по моему описанию. Мнѣ кажется, онъ былъ разочарованъ поѣздкой въ Іерусалимъ, потому что онъ не хотѣлъ намъ разсказывать. Когда просили его разсказать, онъ сказалъ: „Можете прочесть „Путешествіе въ Іерусалимъ“. По его дѣйствіямъ, какъ я замѣчала, видно, что

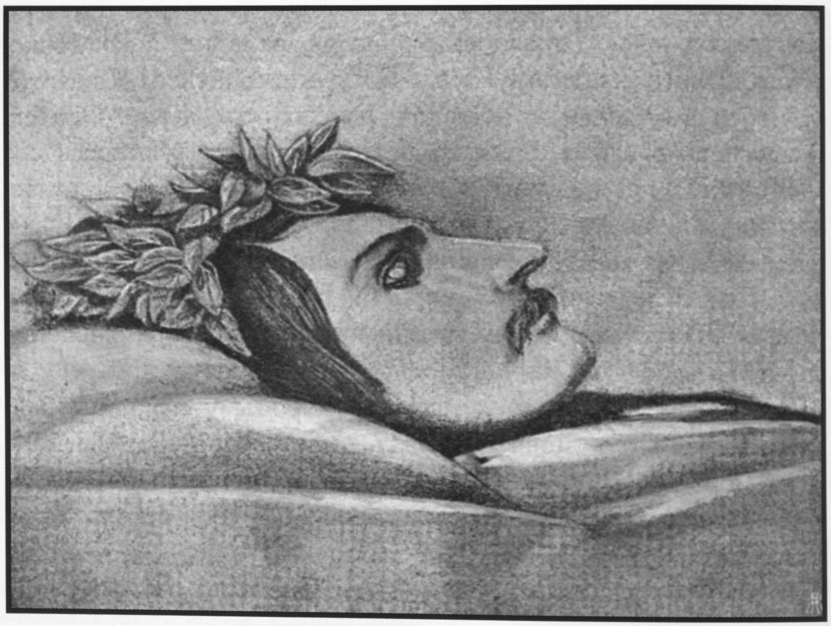
Семья Н. В. Быкова (справа Н. В. Быковъ, племян. Гоголя, слѣва М. А. Быкова, внучка А. С. Пушкина) въ 1901 г.

онъ обратился болѣе всего къ Евангелію, и мнѣ совѣтовалъ, чтобы постоянно на столѣ лежало Евангеліе. „Почаще читай, ты увидишь, что Богъ не требуетъ долго стоять на молитвѣ, а всегда помнить Его ученіе во всѣхъ твоихъ дѣлахъ“.

Онъ всегда при себѣ держалъ Евангеліе, даже въ дорогѣ. Когда онъ ѣздилъ съ нами въ Сорочинцы, въ экипажѣ читалъ Евангеліе.

Видна была его любовь ко всѣмъ. Никогда я не слыхала, чтобы онъ кого осудилъ. Онъ своими трудовыми деньгами многимъ помогалъ и самъ не нуждался и ни въ чемъ себѣ не отказывалъ.

Въ Кагарликѣ нашелся для Лизы суженый. Она разсказывала мнѣ, что тамъ стоялъ саперный полкъ; каждый вечеръ у Трощинскаго бывали офицеры. Аннетъ играла съ офицерами въ карты, а Лиза скромно сидѣла около Аннетъ. Лиза никогда не играла въ



Гоголь въ гробу.

карты; она говорила, какъ ей нравится Быковъ и какъ она просила, чтобы онъ женился на Аннетъ; она была увѣрена, что онъ скорѣй на Аннетъ женится, чѣмъ на ней, потому что Аннетъ постоянно съ нимъ разговаривала, а она большую часть молчала, и онъ ухаживалъ за Аннетъ, а съ нею онъ игралъ въ шашки. „Къ моему удивленію, за шашками сдѣлалъ мнѣ предложеніе и то передъ самымъ нашимъ отъѣздомъ“[37]). И такъ по письму матери онъ пріѣхалъ, и неотлучно

былъ съ Лизой. Недѣлю погостилъ и уѣхалъ до октября. 3 октября повенчались. Тѣ же гости были, которые были на Покрову, то-есть на именины матери, но не помню, сколько дней пробыли послѣ свадьбы; за это время братъ прислалъ Лизѣ въ подарокъ четырехмѣстную коляску и портфель дорожный. Тамъ чернильныя перья и всѣ принадлежности для писемъ. Въ этой коляскѣ они уехали, и Аннетъ съ ними, несмотря на то, что братъ писалъ матери, чтобы никто изъ насъ не ѣздилъ къ. нимъ; пусть они вдвоемъ хоть годъ поживутъ. Но Лиза просила Аннетъ ѣхать съ ними, потому что еще не успѣла къ мужу привыкнуть. Черезъ два мѣсяца мать ѣздила со мною въ Кагарлыкъ, остановилась у Трошинскаго, и каждый день видѣлись съ Быковыми; то мы у нихъ, то они у Трошинскаго. Также и офицеры по вечерамъ играли въ карты, а одинъ офицеръ Колертъ не игралъ въ карты, а со мной игралъ въ шахматы, но я никѣмъ не увлеклась. Потомъ мать мнѣ передавала, что Быковъ просилъ у матери, чтобы она меня оставила у нихъ погостить, а Аннетъ взяла. Я не захотѣла оставаться, и такъ вышло, что и Аннетъ съ нами уѣхала.

Пріѣхавши домой, я получила отъ брата письмо, но уже послѣднее. Въ февралѣ получили изъ Полтавы письмо отъ Скалонъ, чтобы мать пріѣхала къ ней. Писала, что знакомый брата пріѣхалъ и желаетъ съ нею видѣться. Оказалось,—передать ей печальную вѣсть, что братъ умеръ; при этомъ и доктора пригласили, но какъ перенесла мать, я не знаю. Мать съ Аннетъ ѣздила, а я оставалась.

Не могла понять, что со мною дѣлалось, не то болѣзнь, не то тревога, какъ будто предчувствіе было. Наконецъ, возвратились изъ Полтавы, ничего мнѣ не говорятъ.

Аннетъ пошла въ свою комнату, легла въ постель. Мать грустная.

Спрашиваю, что случилось? О ужасъ! говорятъ, братъ умеръ.

Я въ отчаяніи была. Мы не знали, что онъ болѣлъ и, кромѣ того, недавно получили отъ него письмо. Какъ сильно грустила и болѣла грудь, а между тѣмъ боялася умирать и всѣхъ просила молиться, чтобы я не умерла. И долго болѣла у меня грудь. Разъ я кричала отъ сильной боли, потомъ заснула. Приснилось мнѣ какъ будто сидитъ въ постели дѣвица, блѣдная, вся въ бѣломъ и говоритъ: „какое

наслажденіе умирать"... На этомъ проснулась и грудь перестала болѣть. Потомъ очень жалѣла, зачѣмъ я не хотѣла умирать. Мнѣ тогда было 26 лѣтъ...

Сколько надежды было на брата. Онъ разсчитывалъ кончить вторую часть „Мертвыхъ душъ", и на эти деньги думалъ лѣтомъ пріѣхать къ намъ, выстроить удобный домъ и мельницу. Говорили, онъ въ болѣзни бредилъ „мельницей" и недолго болѣлъ въ горячкѣ Вѣроятно, во время перелома не перенесъ.

И такъ лишилась я своего утѣшителя.

Но что со мною дѣлалось отъ горя, сама не знаю. Нѣкоторые посовѣтовали мнѣ ѣхать въ Кіевъ Богу—помолиться. Я за это ухватилась, просила у матери лошадей поѣхать въ Кіевъ. Она сказала: коляску можешь взять, а лошадей нельзя. Она не рѣшалась совсѣмъ отказывать мнѣ, потому что я была слишкомъ слаба; и думала, что безъ лошадей я не поѣду; но я придумала, какъ устроить поѣздку. Въ то время была у насъ ярмарка на Онуфрія. Поѣхала на своей Триндычкѣ на Воронянщину, просила у Воронянскаго занять мнѣ 60 рублей.—Нѣтъ денегъ. Потомъ къ вдовѣ Воронянской, тоже сказала—нѣтъ денегъ. Что дѣлтать? Воротилась домой, по дорогѣ заѣхала къ священнику, но не думала, чтобы у него были деньги. Священникъ радушно меня принялъ, насъ спрашивалъ, зачѣмъ я ѣздила на Воронянщину.—Денегъ занимала, да никто не далъ.

— Сколько вамъ нужно?—„60 рублей".—У меня есть; для кумушки надо дать.

Гдѣ не ожидала, тамъ получила. Сейчасъ же на эти деньги купила три лошади, а четвертая моя. За одну лошадь дала 15 руб., другую 16, а третью 18 р. Еще осталось на дорогу. Мать дала только коляску, а кучера я взяла изъ деревни, отставного старичка. Денегъ никогда мать не давала мнѣ на дорогу. Я пригласила Гуринову, Устинью взяла, впрочемъ, она всегда со мною ѣздила; такъ какъ денегъ мало осталось, то мы взяли на дорогу провизіи я взяла двѣ булки, пшена, муки, а Гуринова взяла сухари и ржаной хлѣбъ, а чай я тогда не любила. Ѣхали мы до Кіева недѣлю. Въ дорогѣ покупка была только на сѣно и овесъ. Пищи для людей хватало; только я голодала, какъ переборчивая вь пищѣ. Вечеромъ варили галушки. Какъ я была голодна, то съ жадностью и съѣла тарелку галушекъ,

а ночью заболѣла. Я только и питалась сухарями. Соленой водой размачивала сухари, и съ удовольствіемъ ѣла. Потомъ не стало сухарей, а булки въ дорогѣ не могли достать. Всѣ ѣдятъ ржаной хлѣбъ съ солью, а я не могла, ѣсть страхъ какъ хотѣлось. Подъѣзжаемъ къ какой-то деревнѣ; велѣла остановиться, послала купить яйца. Только одно яйцо нашли, и за то яйцо запросили 7 коп. Я купила, и сырое яйцо посолила, выпила и тѣмъ удовлетворила свой голодъ. Пріѣвхавши въ Кіевъ—прямо къ Быковымъ, тамъ пообѣдали и лошадей оставили, а сами пошли въ Лавру. Тамъ пробыли два дня. Къ моему удовольствію—гостиница и обѣдъ даромъ, лошадей тоже Быковъ накормилъ, и потому у меня остались деньги. Я могла купить Евангеліе и отдѣльно Апостола, и еще книгу святыхъ угодниковъ и псалтырь. Въ Лаврѣ мы отговѣлись у схимника, исповѣдалась, къ нему въ келью ходили, по одной. Мы воображали, что схимникъ святое лицо, потому хотѣлось у него исповѣдаться. На немъ одежа не обыкновенная. На спинѣ и на рукавахъ нашиты кресты, и какія то слова, а также на головѣ.

На исповѣди грубымъ голосомъ говорилъ: „ты не крала, родителей не огорчала, въ блудъ не впадала“ и проч.. Я положила ему 50 коп., и онъ далъ мнѣ тоненькую книжку съ наставленіями, а Гуриной ничего не далъ: она меньше ему дала. А иные выходили отъ него съ цѣлымъ молитвенникомъ. Кромѣ того, велѣлъ мнѣ во время чтенія псалтыря двадцать поклоновъ, а Гуриновой на каждый акафистъ по 20 поклоновъ; потомъ пошли къ Быковымъ, тамъ переночевали и утромъ уѣхали.

Но какой странный мостъ тогда былъ...—называли „живой мостъ“—черезъ всю рѣку. Поперечныя доски, связанныя, лежали на водѣ; когда экипажъ ѣхалъ, то гнулись доски, въ иныхъ мѣстахъ вода выступала.

Пріѣхавши домой, у меня эта хандра прошла. Въ сентябрѣ на ярмаркѣ продала лошадей съ барышомъ. Свою лошадь оставила и сейчасъ же уплатила священнику долгъ. Потомъ начала заниматься своимъ дѣломъ.

Но какъ грустно было, когда вспоминала, что не увижу болѣе брата. Бывало, думаю, для чего и для кого я живу... Казалось, все

О. В. Гоголь (Головня) въ кругу дѣтей и внуковъ (въ 1901 г.).

для меня кончилось. Оставалась одна надежда: выйти замужъ, чтобы мужа такъ полюбить, какъ брата[32])...

Какъ братъ заботился о насъ, когда отдалъ сестеръ въ институтъ! Ради нихъ и самъ остался тамъ учителемъ по исторіи. Для того и лакея своего оженилъ, чтобы женщина была съ ними въ дорогѣ; для того оставилъ Якима въ Петербургѣ, чтобы его жена ходила къ нимъ по праздникамъ. А когда кончили институтъ, онъ одѣлъ ихъ: бѣлье, нѣсколько платьѣевъ и проч., и готовыми сдалъ матери. Потомъ купилъ намъ всѣмъ троимъ розовой кисеи на платья, и для деревни соломенныя шляпы. Почти каждый разъ что-нибудь привозилъ намъ. Разъ привезъ намъ брошки, закрученная змѣйка, мнѣ бирюзовые камушки, а сестрамъ гранатовыя, въ другой- далъ мнѣ бусы, поддѣланныя подъ жемчугъ. Эти бусы сохранились, а брошку потеряла въ нашемъ саду. Наконецъ, чтобы было намъ что читать

въ деревнѣ, онъ выписывалъ журналъ „Отечественныя Записки“, а Погодинъ каждый годъ, высылалъ „Москвитянинъ“. Деньгами онъ не хотѣлъ насъ баловать. Ему нужны деньги, кромѣ насъ, и о постороннихъ позаботиться. Изъ писемъ къ матери видно, что онъ и обо мнѣ заботился. Одно письмо попало мнѣ, въ которомъ онъ писалъ: „не позволяйте Олѣ в дѣвичьей сидеть, пусть она неотлучно съ вами сидитъ“. Я помню, когда войду въ дѣвичью, то дѣвки говорили: „грязную тряпку надѣну на шею“, и боялась туда ходить. Вѣроятно, велѣли имъ такъ говорить, чтобы отучить меня; потому-то я не знала ни одного слова по-малороссійски говорить, когда заговорилъ со мною Щепкинъ.

Семья О.В. Головни въ 1871 г.

А въ послѣднемъ письмѣ. братъ писалъ: „разскажите Олѣ о Страшномъ судѣ, какъ вы мнѣ рассказывали: съ такимъ выраженіемъ, чтобъ это впечатлѣніе осталось у нея на всю жизнь“[39])...

Смертью Н. В. Гоголя кончаются мемуары Ольги Васильевны Гоголь-Головни. Дополненіями къ нимъ, касающимися и автора мемуаровъ, и устныхъ ея разсказовъ о Гоголѣ, не вошедшихъ въ эти писанныя воспоминанія, являются свѣдѣнія, сообщаемыя В. Я. Головней и печатаемыя ниже, въ приложеніяхъ.

ПРИМѢЧАНІЯ:

1) Вопросъ о числѣ детей у родителей Гоголя остается нѣсколько невыясненнымъ. По свидетѣльству О. В. Гоголь, ихъ было двѣнадцать. Сообщаемъ ихъ имена: Николай, Андрей, Дмитрій, Иванъ (изъ нихъ послѣдніе трое умерли въ раннемъ дѣтствѣ), и дочери—Марія, Анна, еще Анна, Елизавета, Татьяна и Ольга. Двое-же родились мертвыми. Послѣднее-то обстоятельство и является невыясненнымъ. О Николаѣ Васильевичѣ Гоголѣ говорять, какъ о третьемъ, послѣ первыхъ двухъ мертворожденныхъ. Въ связи съ этимъ находится и поѣздка матери Гоголя въ Диканьку, къ чтимому образу св. Николая, въ честь котораго поэтъ и названъ этимъ именемъ. Этимъ же и объясняютъ и рожденіе Гоголя въ Сорочинцахъ, въ доме доктора Трохимовскаго—„такъ какъ она опасалась, какъ бы и теперь не было съ ней несчастья, какъ было до этого два раза". Но хронологически—между временемъ свадьбы родителей Гоголя (нач. 1808 г.) и временемъ рожденія поэта (мартъ 1809 г.)-это представляется мало вѣроятнымъ и, во всякомъ случаѣ трудно объяснимыми

2) На смерть отца Гоголь отозвался двумя письмами, въ которыхъ любящій сынъ старается своимъ наружнымъ спокойствіемъ поддержать упавшую духомъ осиротѣлую семью. „Я предался всей силѣ безумнаго отчаянія, хотѣлъ даже посягнуть на жизнь свою, но Богъ удержалъ меня отъ сего... ...Такъ, дражайшая маменька, я ужъ спокоѣнъ, хотя не могу быть счастливъ, лишившись лучшаго отца, вѣрнѣйшаго друга, всего драгоцѣннаго моему сердцу... Но разве не осталось ничего, что-бъ меня привязывало къ жизни? Развѣ я не имѣю еще чувствительной, нѣжной, добродѣтельной матери, которая можетъ замѣнить мнѣ отца и друга, и всего, что есть милѣе, драгоцѣннѣе... (1825 г., 23 апр.).

3) А. М. Трощинская, урожд. Косяровская, родная тетка Марьи Ивановны и мать Андрея Андреевича Трощинскаго, о которомъ см. ниже. Ея участіе въ горѣ семьи было ничуть не меньше, чѣмъ участіе и въ ея радостяхъ. По этому поводу Ник. Вас. Г. пишетъ: „Поцѣлуйте за меня бабушку, почтеннейшую Анну Матвѣевну; скажите, что я ей обязанъ болѣе, нежели жизнею. Она утѣшаетъ и возвращаетъ мнѣ мать мою" (ibid.)

4) Старицкая была начальницей полтавскаго института. „Нѣмка“, о которой говорится ниже—вѣроятно, г-жа Арендтъ, вмѣстѣ съ которой Старицкіе имѣли въ Полтавѣ пансіонъ (см. Шенрокъ, Письма, т. I, стр. 99 и 50).

5) Сохранилось много тетрадей съ конспектами и сочиненіями Маріи Гоголь по исторіи географіи и литературѣ на французскомъ языкѣ. И даже нѣсколько стихотворныхъ набросковъ. Все это говорить о ея способностяхъ и степени образованности. Судьба ея сложилась печально, о чемъ Ольга Васильевна говорить подробно въ своихъ воспоминаніяхъ. Гоголь принималъ живое участіе въ ея судьбѣ и въ судьбѣ ея дѣтей, въ особенности сына ея Николая (Трушковскаго), впослѣдствіи издателя сочиненій поэта.

6) И здѣсь, и даже въ другихъ мѣстахъ, хотя авторъ приводитъ какъ бы текстуально отрывки изъ писемъ Гоголя, но при сличеніи оказывается только тождество смысла. Ср. прилагаемый ниже отрывокъ изъ письма Гоголя о присылке ему „малороссійскихъ пѣсень“ и малороссійскихъ комедій. Тамъ же говорится „о хлѣбѣ“...

7) Якимъ Нимченко—слуга Гоголя въ петербургскій періодъ. По воспоминаніямъ, былъ очень привязанъ къ Гоголю, любилъ дѣлать ему наставленія въ духе Осипа, но страдалъ слабостью къ напиткамъ, чѣмъ иногда доводилъ поэта до раздраженія. „Выгоните вонъ Борисовича (одинъ изъ нахлѣбниковъ у Гоголей), и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше: онъ выучилъ моего Якима пьянствовать. Теперь мнѣ все открылось, когда они вмѣстѣ ходили за утками и пропадали три дня: это все они пьянствовали и были такъ мертвецки пьяны, что ихъ чужіе люди перенесли“ (изъ письма Гоголя къ матери; 1832 г., 22 ноября). Тѣмъ не менѣе—отношенія сохранились до конца самыя лучшія, и въ завѣщаніи Гоголя мы читаемъ: „служившихъ мнѣ людей наградить. Якима отпустить на волю“. Желаніе поэта было исполнено.

8) П. О. Трушковскій. Прилагаемый рисунокъ изображаетъ его за любимымъ занятіемъ—на охотѣ. Портретъ этотъ найденъ мною среди старыхъ бумагъ семейнаго гоголевскаго архива въ довольно плачевномъ виде, безъ одного куска, съ разрывами на перегибахъ. Никому неизвѣстно, кто рисовалъ этотъ портретъ—для своего времени довольно искусно сдѣланный, но существовало предположеніе у покойной Ольги Васильевны, что авторомъ его можно считать Гоголя. Впрочемъ, при существовавшихъ) у нихъ довольно натянутыхъ отношеніяхъ, объясняемыхъ недовольствомъ Гоголя всякими разорительными затѣями Трушковскаго, вроде кожевенныхъ:, фабрикъ, виноградниковъ и т. п., неоправдывавшихъ ожиданій,— авторство Гоголя мало вѣроятно. А впрочемъ—можетъ быть это дань любимой сестрѣ... Гоголь любилъ дѣлать имъ сюрпризы. Во всякомъ случае, даже не признавая здесь кисти Гоголя,—нельзя не считать портретъ заслуживающимъ вниманія.

9) Неудачи съ предпріятіями отражались тяжело и на психике Гоголя. Письма 1834 г. къ матери наполнены и сѣтованіями, и запоздалыми совѣтами, и,

главное—предупрежденіями относительно новыхъ начинаній: „О, ради Бога, маменька, не заводите никакихъ новыхъ предпріятій и фабрикъ. Для того, чтобы заводить ихъ, нужно слишкомъ быть свѣдущимъ въ этомъ дѣлѣ... Фабрики и заведенія новыя не отъ того лопаютъ, что онѣ глупость, а оттого, что не всякій знаетъ, какъ за нихъ взяться".

Непріязнь къ Трушковскому дошла до того, что Гоголь уклонился отъ посѣщенія имъ Петербурга, сославшись на свой фиктивный отъѣздъ въ Ревель.

10) Гдѣ находятся эти самые Рыбцы, и кто это г-жа Спиглазова, къ которой отправили О. В.,- объ этомъ въ нашемъ распоряженіи свѣдѣній не имѣется. Ни въ письмахъ, ни въ другихъ письменныхъ документахъ, ни въ устныхъ разсказахъ—мы ни разу не встречали этихъ именъ. Нѣтъ ихъ и у Шенрока, тщательно составившаго указатель личныхъ именъ, встрѣчающихся въ письмахъ Гоголя.

11) То же и относительно Горбовскихъ. Однако, здѣсь, какъ и раньше, интересно отмѣтить любопытную черту изъ исторіи русскаго просвѣщенія. При отсутствіи женскихъ учебныхъ заведений, могущихъ удовлетворять возрастающей потребности просвѣщенія, въ нѣкоторыхъ домахъ помѣщиковъ образовывались нѣчто въ родѣ частныхъ пансіоновъ, гдѣ получали общее среднее образованіе дѣти сосѣдей, не имѣющихъ возможности содержать у себя учителей или отправлять дѣтей въ губернскіе институты. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ подобнымъ явленіемъ. Интересны также пріемы воспитанія и обученія, о которыхъ разсказываетъ О. В., вроде „субботки", или форма наказания „за русскій языкъ".

Въ дальнѣйшемъ примѣчателенъ характерный для психологіи современной обывательщины штрихъ, когда Горбовская, заслышавъ о пріѣзде Гоголя, обезпокоилась, какъ бы онъ не „описалъ" ее за ея безпорядки... Съ подобной обывательщиной Гоголю приходилось сталкиваться не разъ.

12) Настасья впослѣдствіи вышла замужъ за Петра Юрченка и долго жила вмѣстѣ въ домѣ Гоголей.

Въ 1901 году я засталъ ихъ немощными стариками, и попытки воспользоваться ихъ воспоминаніями о давно прошедшемъ были не изъ удачныхъ. Петро съ трудомъ припомнилъ свою поѣздку съ Гоголемъ въ Москву. Да и то дальше Переяславля его воспоминанія не доходили. Разсказывалъ, какъ ему пришлось варить для Гоголя въ дороге уху, и какъ уха оказалась, по мнѣнію Гоголя, неудачной, что сильно огорчило импровизированнаго повара. И онъ даже теперь, разсказывая объ этомъ, ссылался на свою старуху Настасью въ томъ, что уха была превосходной. Наиболѣе цѣннымъ было его признаніе, что Гоголь былъ „божьимъ человѣкомъ", что никто не запомнить отъ него никакой обиды. То же мнѣніе я слышалъ отъ всѣхъ, знавшихъ Гоголя лично.

13) Косяровскіе—родовая фамилия матери Гоголей. Ближайшее отношеніе къ сѣмье поэта имѣли бабушка и дѣдушка—Марья Ильинишна и Иванъ Матвѣичъ. Кромѣ того, мы упоминали уже Анну Матвѣевну, сестру Ив. Матв.; въ мемуарахъ О. В. наиболѣе ярко обрисована родная тетка М. И. Гоголь, Катерина Ивановна. Въ чертахъ ея характера, какъ и въ чертахъ жизни всей семьи Гоголей, какъ она рисуется въ изложеніи О. В., многое напрашивается на любопытныя сравненія, начиная отъ „Старосвѣтск. Помѣщиковъ" и кончая „Мертвыми душами".

14) Тридцатые годы были самымъ лучшимъ періодомъ въ отношеніяхъ Гоголя къ Погодину и Аксакову. Впослѣдствіи (въ періодъ „Переписки") между Гоголемъ и Погодинымъ произошла серьезная размолвка, раскрытая и обслѣдованная въ статье А. И. Кирпичникова „Погодинъ и Гоголь" („Рус. Стар.", 1906 г., I) Всѣ стадіи взаимныхъ отношеній между ними можно легко прослѣдить по письмамъ Гоголя. Достаточно сказать, что по бѣглому подсчету имя Аксакова и Погодина встрѣчается въ письмахъ его не менѣе трехсотъ разъ!... Не менѣе близокъ былъ Гоголь и къ М. С Щепкину, о которомъ здѣсь вспоминаетъ вскользь о. В.

15) Незнаніе „хохлацкаго" языка объясняется системой воспитанія О. В., а также и ея глухотой, мѣшавшей прислушиваться къ живой рѣчи. Впрочемъ, слѣдуетъ заметить, что и „русский" языкъ, на которомъ говорили въ домѣ Гоголей, былъ не совсьмъ сходенъ съ языкомъ москвичей, съ языкомъ Аксаковыхъ и Погодиныхъ. Впослѣдствіи О. В. прекрасно владела украинскимъ народнымъ языкомъ и всегда, во всѣхъ случаяхъ, говорила съ приходящими къ ней украинцами на ихъ языкѣ. Вообще же ея языкъ весь отразился въ печатаемыхъ мемуарахъ. И читатель можетъ самъ судить о немъ.

16) Въ семьѣ С. Т. Аксакова О. В. сблизилась съ младшей дочерью писателя, съ Ольгой Сергѣевной, по своему характеру болѣе подходящей къ О. В., нежели живая и бойкая Вера Сергѣевна. Во время постигшей Ольгу Серг. тяжкой болѣзни, перешедшей въ хроническую, и Гоголь и О. В. въ письмахъ соболѣзновали и сокрушались о ея страданіяхъ.

17) О ссорахъ, происходившихъ между сестрами, ссорахъ часто незначительныхъ! и безобидныхъ и лишь изрѣдка принимавшихъ серьезный тонъ, Гоголь былъ нѣсколько иного мнѣнія. Въ одномъ письмѣ онъ пишетъ относительно сестры Маріи: „Я прошу ее убѣдительно написать на особой запискѣ обстоятельно и подробно, сколько разъ она въ этомъ году поспорила. Это будетъ любопытная и очень замѣчательная вещь. Я совѣтую ей особеннымъ родомъ это сдѣлать. Для этого я пришлю ей красивый альбомъ. Подъ каждымъ числомъ и днемъ написать: „сегодня я поспорила столько-то разъ и, благодареніе Богу, очень успѣшно; сегодня—увы, я не поспорила больше одного раза, но съ помощью Божьей, можетъ быть, завтра за все вознагражу" и т. д. (Письмо 1834 г., апрѣль).

Что же касается дальнѣйшаго, то указаніе О. В., что Елизавета Вас. осталась въ Москве у Шереметьевой, — очевидно, описка, ибо совершенно известно, что ее взяла къ себѣ большой другъ и пріятель Гоголя П. И. Раевская. (См. письмо къ Аннѣ Васильевнѣ 1840 г. изъ Москвы: „Теперь она (Лиза) уже обожаетъ Раевскую, куда она переѣзжаетъ 10 мая").

18) Несомнѣнно, вдовье положеніе сильно тяготило Марью Вас. Къ этому присоединялись еще и заботы о семьѣ, въ судьбѣ которой тоже принималъ близкое участіе Гоголь. Но онъ былъ противъ второго брака. И когда ему писали изъ дома о подобныхъ предположеніяхъ, онъ категорически отвергалъ всякую подобную попытку (См. письмо изъ Рима 5 февр. 1838 г.)

19) Фамилія Трощинскихъ, какъ извѣстно, играла значительную роль въ семьѣ поэта. Родство ихъ съ Гоголями идетъ по женской линіи, со стороны матери Гоголя, родная тетка которой, Анна Матвѣевна, ур. Косяровская, была замужемъ за однимъ изъ Трощинскихъ. Упоминаемый здѣсь Андрей Андреевичъ Т. былъ сыномъ этой самой Анны Матвѣевны, и племянникомъ и наслѣдникомъ Дм. Пр. Трощинскаго, б. министра и мецената.

Кстати ужъ отмѣтимъ „родство" Гоголя съ польскимъ королемъ Станиславомъ Понятовскимъ, родная внучка котораго была замужемъ за Андреемъ Андреевичемъ Трощинскимъ.

Здѣсь, въ воспоминаньяхъ О. В., нѣсколькими штрихами обрисовано семейство этихъ „благодѣтелей", о которыхъ мнѣ приходилось говорить въ предисловіи.

Родная сестра нѣкогда всесильнаго министра и милліонера, передъ которымъ трепетали скромные мелкопомѣстные дворяне и бѣдные родственники, вродѣ Гоголей, — закончила свою жизнь приживалкой въ домѣ Марьи Васильевны, когда закатилась звѣзда счастья Трощинскихъ.

Описываемый здѣсь пріѣздъ Андрея Андр. Трощинскаго служитъ яркимъ дополненіемъ къ не менѣе грустнымъ воспоминаньямъ М. И. Гоголь о подобныхъ же наѣздахъ его дяди, Дм. Прок, стоившихъ Гоголямъ большихъ матерьяльныхъ затратъ и моральныхъ униженій (См. Матерьялы Шенрока, ч. I, 60—66 стр.) Для характеристики идеализированнаго біографами „меценатства благодѣтеля" это небезынтересно.

20) Домъ Гоголей служилъ пріютомъ для многихъ неимѣющихъ собственнаго угла и находившихъ здѣсь радушный пріемъ внѣ всякаго отношенія къ ихъ сословнымъ или матерьяльнымъ положеніямъ. И когда по мемуарамъ О. В. знакомишься только съ приблизительнымъ составомъ этихъ въ полномъ смыслѣ слова призрѣваемыхъ, часто нуждающихся въ матерьяльномъ и духовномъ хлѣбѣ, тогда понимаешь реальныя основы тѣхъ мотивовъ, которые встрѣчаемъ въ ея завѣщаніи.

„Мнѣ бы хотѣлось,—пишетъ она,—чтобы деревня наша по смерти моей сдѣлалась пристанищемъ всѣхъ не вышедшихъ замужъ дѣвицъ, которыя

отдали бы себя на воспитаніе сиротамъ, дочерямъ бѣдныхъ, неимущихъ родителей"... И еще: „По кончинѣ моей никто изъ нихъ (изъ домашнихъ) уже не имѣетъ права принадлежать себѣ, но—всѣмъ тоскующимъ, страждущимъ и претерпѣвающимъ какое-либо неизмѣнное горе", чтобы „домъ и деревня ихъ походили скорѣй на гостиницу и страннопріимный домъ, чѣмъ на обиталище помѣщика, чтобы всякій, кто бы ни пріѣзжалъ, былъ ими принятъ, какъ родной и сердцу близкій человѣкъ".

Завѣтъ этотъ является какъ бы санкціонированьемъ установившейся у нихъ традиціи, существовавшей и во время жизни поэта, и послѣ его смерти, почти до послѣднихъ дней жизни Ольги Васильевны.

Въ бумагахъ семейнаго архива сохранилось много черновиковъ прошеній, писемъ, ходатайствъ объ опредѣленіи того или иного лица въ институтъ, на службу и т. п.

Кромѣ того, въ приходо-расходныхъ книгахъ есть немало указаній о широко поставленной филантропіи, чисто христіанской, не ищущей ни наградъ, ни повышеній.

21, 22, 23) Будище, Диканька, Ахтырка—любимыя мѣста, куда жители окрестныхъ и смежныхъ уѣздовъ полтавской и харьковской губерній къ извѣстнымъ храмовымъ праздникамъ стекаются на богомолье.

Ближайшимъ къ Яновщинѣ мѣстомъ была Диканька, съ Николаевской церковью, находящейся среди огромнаго, стараго дубоваго лѣса, сохранившая и до нашихъ дней свою грандіозную и суровую красоту. Это было и ближайшимъ и любимѣйшимъ пунктомъ путешествій въ семьѣ Гоголей. Церковь интересна и по имѣющейся при ней печатной и рукописной библіотекѣ (нынѣ перенесенной въ „дворецъ" кн. Кочубея, Владѣльца Диканьки), а также и но сохранившимся реликвіямъ эпохи Петра Великаго и шведской кампаніи.

Здѣсь показываютъ сорочку, въ которой, по преданію, былъ казненъ Кочубей, и мн. др.

Въ лѣсу, вблизи церкви, находится огромный дубъ—„мазепинскый дубъ", подъ тѣнью котораго—тоже по преданію,—происходили свиданья кочубеевой дочери съ гетманомъ Мазепой.

При въѣздѣ въ диканьскій лѣсъ построена тріумфальная арка въ память посѣщенія этихъ мѣстъ Александромъ I въ 1821 году (см. рисунки).

Въ Старыхъ Будищахъ, живописно расположенныхъ подъ горой на берегу Ворсклы,—нынѣ упраздненный женскій монастырь,—говорятъ, была пострижена Матрена (по Пушкину, Марія) Кочубей подъ именемъ Евфросиніи. Но попытки найти какія-нибудь документальныя доказательства этому не увѣнчались успѣхомъ.

Ахтырка—уѣздный городъ харьковской губерніи, съ монастыремъ на высокомъ, гористомъ берегу Ворсклы. Въ настоящее время одна изъ

излюбленныхъ дачныхъ мѣстностей и, конечно, вслѣдствіе этого утратившая всю прелесть старой монастырской тишины и поэзіи, привлекавшей въ былое время массы богомольцевъ.

Въ цѣломъ же, хожденіе по святымъ мѣстамъ, по монастырямъ, вплоть до Кіева, было любимѣйшимъ путешесвіемъ у Гоголей. Эта черта сохранилась и у поэта.

24) Поѣздка въ Іерусалимъ и для семьи Гоголя была нѣсколько загадочной. Всѣ боялись, какъ бы это путешествіе не принесло ему несчастья. Получивъ составленную имъ молитву („Боже, содѣлай безопаснымъ путь его"), Ольга Вас. ежедневно читала ее,—всѣ ея мысли были тамъ, въ дороге, полной опасностей и возможныхъ несчастій.

„Несравненный братецъ—пишетъ О. В. въ ответь на последнѣе передъ отъѣздомъ письмо—какъ я должна благодарить Бога, что даровалъ вамъ лучшаго здоровья. Да благословить Онь васъ на счастливый путь. Я буду крѣпко молиться до самаго вашего возвращенія, дабы Богъ невредимо привелъ васъ къ намъ. О, буду-ли я такъ счастлива, чтобы скорѣй васъ видѣть совершенно здоровымъ и покойнымъ. Страшно мнѣ подумать, въ какую вы даль ѣдете; когда бы хоть переѣздъ былъ хорошъ. Я воображаю, сколько вы будете переносить въ дорогѣ. Но могу-ли я быть теперь весела и покойна, когда единственный мой братъ въ такой опасности? Но я крѣпко надѣюсь на Бога, что Онъ поможетъ вамъ окончить всѣ ваши дѣла благополучно....

....Пишите къ намъ почаще, въ какихъ мѣстахъ вы находитесь, чтобъ маменьку успокоить; она ужасно какъ груститъ и плачетъ за вами; она безпокоится, что все моремъ будете ѣхать, этого то я сама боюсь, но Богъ милостивъ, Онъ верно не будетъ насъ такъ жестоко наказывать.

До свиданья, безцѣнный братецъ, молитесь тамъ и за насъ, грѣшныхъ. При семъ остаюсь, послушная ваша сестра, Ольга".

(Изъ соб. коллекціи В. Ч.).

И въ семьѣ, какъ и въ дружескихъ и близкихъ кругахъ, результатами поездки Г. въ Іерусалимъ все были разочарованы. Объ этомъ мы читаемъ и въ мемуарахъ. Какъ память объ этомъ путешествіи въ семьѣ Г. сохранились перламутровыя коробочки съ священными изображеніями и сердоликовые крестики. Кромѣ того, онъ привезъ еще мыло, которымъ омываютъ гробъ Христа въ ночь подъ Пасху (см. снимокъ съ лицевой стороны, на которой печать соломонова храма, въ видѣ шестиугольной звезды; съ другой стороны изображѣна пальмовая ветвь (вѣтвь мира); а сестрѣ Ольгѣ подарилъ кипарисовый посохъ, съ которымъ она не разставалась всю жизнь. Было еще несколько предметовъ-реликвій изъ Іерусалима, но они гдѣ-то затерялись.

25) Г покупалъ обычныя дешевыя гравюры изъ серіи библейскихъ картинъ и раскрашивалъ ихъ акварелью. У насъ имѣется нѣсколько такихъ картинъ,

правда, раскрашенныхъ неудачно и потому, вѣроятно, оставшихся нерозданными.

26) Этотъ эпизодъ о похищеніи Аф. Дем. дочери Сем. Лизогуба находитъ фактическое подтвержденіе и въ сохранившихся письменныхъ документахъ.

Хотя гнѣвѣ отца быстро прошелъ и молодые бѣглецы получили въ приданое сельцо Купчикъ, впослѣдствіи переименованное въ Васильевку, Яновщину тожъ, но ихъ жизнь нельзя было назвать счастливой, ни въ матеріальномъ, ни въ духовномъ отношеніи. Отрывокъ изъ письма рисуетъ намъ вполнѣ ясно эту атмосферу: Всенайлюбезнѣйшая дочерь моя, Татьяна Лизогубовна! Пишешь ко мнѣ, сожалѣючи о моей и твоей бѣдѣ и невидании со мною и можетъ быть мнится тебѣ, что я къ тебе якобы и жалости не имѣю, то повѣрь мнѣ и сама за благо разсуди, что вы молодые люди повредили себѣ и здоровію въ стужѣ и безвременіи. А мнѣ и паче при старости треба сохранить малое свое здоровье наипаче для тебе, аби хоть мало еще пожить и тебе вспомогти и на вѣчную пользу вамъ учинить. И хотя я и теперь еще не могу съ вами видѣться, еднакъ я тебе увѣраю несумнѣнно и вовся оставъ свою напрасную скорбь и тугу и плачъ; яко у мене васъ не много дѣтей, но только двое—сынъ да ты, дочь. И обоихъ васъ заровно мнѣ жалостно, а наипаче ты мнѣ жальнѣйшая, ибо сынъ уже оженился благополучно и во всемъ, по милости Божіей, достаточенъ, а ты росла при матери въ горѣ, якъ при мачухѣ (NB—мать ея, урожд. Танская, отличалась тяжелымъ, своевольнымъ и вздорнымъ характеромъ. В. Ч.), въ горькой бѣдѣ и нуждѣ и вседневной скорби нещаслива и теперь въ безпокойствѣ и скорби пребываете, и такъ я о тебѣ по всякъ день печалюсь и оставить тебѣ безъ опредѣленія не могу, но якъ я вамъ обоимъ уже говорилъ и писалъ, такъ и будетъ". (Изъ соб. коллекціи В. Ч.),

Далѣе, слѣдуютъ распоряженія хозяйственнаго характера и приглашеніе къ себѣ, подъ отчій домъ, чѣмъ однако они не воспользовались.

27) Гоголь говорилъ, что „Яновскихъ поляки придумали", однако, въ документахъ чаще встрѣчается эта прибавка и даже безъ фамиліи Гоголь. Такъ - запись въ сорочинской церкви именуетъ ихъ просто Яновскими; въ квитанціяхъ нежинскаго лицея встрѣчаемъ или обѣ фамиліи, или только эту самую прибавку, но никогда безъ нея. Въ грамотѣ дворянской (см. ниже, въ приложеніяхъ) Аф. Дем. именуется Гоголь-Яновскимъ, но прадѣдъ, священникъ, о. Демьянъ, подписывался только Яновскимъ.

Очевидно, двойная фамилія утвердилась со времени полученія дѣдомъ дворянской грамоты, съ 1785 года.

28) На рисункѣ изображена церковь въ Васильевкѣ въ ея прежнемъ виде. Въ послѣдній годъ жизни О. В. тамъ была пристроена колокольня, совершенно измѣнившая общій ея видъ. За церковью погребены всѣ родные Гоголя, скончавшіеся въ Яновщинѣ. Мы помѣщаемъ снимокъ съ надгробной плиты

на могилѣ родителей Г., на которой поставлены даты ихъ рожденія и смерти: отецъ 1777—1825 и мать 1791—1868.

29) Въ письмахъ Г. не разъ вспоминаетъ о пѣньи Катерины Ивановны. Ей онъ обязанъ также и тѣми пѣснями, которыя съ ея словъ были записаны и пересланы ему въ Петербургъ. Кроме того, она знала много преданій и разсказовъ изъ стараго украинскаго быта, чѣмъ тоже воспользовался Г.

30) Проф. Максимовичъ, другъ Г., по образованію ботаникъ, но извѣстенъ, какъ профессоръ-историкъ и собиратель украинскихъ пѣсенъ. Его мечтою было поселиться въ Кіевѣ вмѣстѣ съ Г. и вмѣстѣ работать для своего родного народа. Впослѣдствіи Максимовичъ сыгралъ роль защитника Г. отъ не справедливыхъ обвиненій его въ незнаніи украинскаго языка и быта, въ полемикѣ по поводу „Вечеровъ на хуторѣ".

31) Помѣщаемъ снимокъ съ гербарія, собраннаго Гоголемъ въ окрестностяхъ Яновщины. Это толстая тетрадь съ плотной картонной обложкой, вся заполненная тщательно засушенными цветами. На нѣкоторыхъ страницахъ цѣлые букетики цвѣтовъ, собранныхъ и засушенныхъ поэтомъ. На первой странице надпись: „Дрокъ—когда бѣшеная собака укуситъ". Оказалось, что проф. Максимовичъ не могъ объяснить медицинское значеніе всѣхъ цвѣтовъ, поэтому Г. и прекратилъ дѣлать соотвѣтствующая записи. Объ этомъ говорится и въ мемуарахъ.

32) Здѣсь мы находимъ подтвержденіе исторіи о часахъ Пушкина, этой интересной реликвіи, объединяющей три имени: Пушкина, Жуковскаго и Гоголя. Напомнимъ обстоятельства, при которыхъ эти часы очутились у Гоголя.

Вскоре послѣ смерти Пушкина Жуковскій пріехалъ во Франкфуртъ, гдѣ находился также Гоголь. Въ кабинетѣ, разговаривая, Гоголь обратилъ вниманіе на „новые" часы Жуковскаго, висѣвшіе на стѣнѣ.

— Чьи это часы? спросилъ онъ.

— Мои, отвѣтилъ Ж.

— Ахъ, часы Жуковскаго,—въ такомъ случаѣ я никогда съ ними не разстанусь,—сказалъ Г. и съ этими словами—пишетъ Кулишъ—положилъ часы въ карманъ, и Жуковскій долженъ былъ отказаться отъ своей собственности.

Зная, какъ велика была любовь Гоголя къ Пушкину, зная, какъ глубоко былъ онъ потрясенъ смертью поэта, Жуковскій отказался отъ этой реликвіи, на которой стрѣлки показывали моментъ смерти Пушкина. Впоследствіи Гоголь передалъ эти часы на храненіе Ольгѣ Васильевне Г., сообщивъ ей ихъ исторіи и ихъ значение, какъ память о Пушкине.

Если часы теперь показываютъ иное время, то это оттого, что, вѣроятно, кто нибудь пытался ихъ заводить. Во всякомъ случаѣ, мы помѣщаемъ снимокъ съ этой реликвіи въ числѣ другихъ, столь же или даже менѣе интересныхъ.

33) Николай Трушковскій, племянникъ Гоголя, впослѣдствіи издатель его сочиненій. Поэтъ прилагалъ много стараній къ его воспитанію и образованію. По поводу хлопотъ объ опредѣленіи его въ казанскій университетъ, Г. пишетъ Шевыреву: „Благодарю тебя много и много, безцѣнный другъ, за твои заботы о моемъ племянникѣ. Поблагодари также и Погодина. Онъ устроился въ Казани очень хорошо, и, кажется, имъ остались всѣ довольны"

Н. П. Трушковскій избралъ спеціальностью восточные языки и писалъ даже ученыя работы по арабской литературѣ.

34) Сиротка Эмилія — одна изъ многихъ, находившихъ пріютъ въ семьѣ Гоголей. Поэтъ и въ ней принималъ самое живое участіе, и въ письмахъ 1850 -51 года мы часто встречаемъ о ней упоминания.

(„На письмо Елизаветы объ Эмиліи, скажу, что ей слѣдуетъ поступить, какъ лучше и удобнѣе. Если можно ее какъ нибудь помѣстить въ

Полтавскій институтъ, — то, конечно, это хорошо. Если же нельзя, то нужно будетъ ее прислать сюда, въ институтъ для гувернантокъ, но для этого слѣдуетъ прислать впередъ всѣ нужныя бумаги, по которымъ она можетъ быть принята" — Изъ письма къ матери, 1851 г.)

35) Одинъ изъ этихъ лечебниковъ съ автографомъ Гоголя имѣется у меня. Вотъ его полное заглавіе: „О продолженіи человѣческой жизни, или домашній лечебникъ, заключающей въ себѣ средства, какъ достигать здоровой, веселой и глубокой старости, предохранять здоровье надежнѣйшими средствами и пользовать болѣзни всякаго рода съ показаніемъ причинъ и лекарствъ, почти повсюду передъ глазами нашими находящихся".

Составленный изъ лучшихъ отечественныхъ и иностранныхъ писателей княземъ Парфеніемъ Енгалычевымъ. Москва, 1833 года.

Чтобы ознакомить читателей съ этимъ всеисцеляющим лечебникомъ, приведемъ взятые наудачу советы.

— „О зрѣніи. Чтобы сохранить острое зрѣніе до глубокой старости должно каждое утро натощакъ мазать глаза собственною своею слюною и давать ей самой засыхать".

Или совѣты, какъ уберечься отъ молніи: „Изъ домашнихъ животныхъ собаки и кошки во время грозы составляютъ очень опасное товарищество, которое надлежитъ отъ себя удалять.

Неосновательно думаютъ, будто бы перья отъ перины производятъ разобщеніе и потому для молніи неприступны. Ибо бывали примѣры, что молнія и постели таковыя зажигала и лежавшихъ въ нихъ людей умерщвляла".

Дополненіемъ къ этому служилъ и домашній „домострой", составленный дѣдушками и бабушками и восполненный отцомъ Гоголя,—это огромная тетрадь съ синими листами, исписанными всякими вѣрными и

надежными средствами, даже и такими: „Какъ тушить пламя загорѣвшейся въ трубѣ сажи! Смотря но устройству и ширинѣ трубы надобно пожертвовать гусемъ, уткой или курицей, которую съ верхняго отверстія трубы бросаютъ внизъ. Птица, падая внизъ, старается удержаться и крыльями будетъ сбивать горящую сажу“.... (Изъ собств. коллекціи).

Какъ будто бы изъ совѣтовъ Пульхеріи Ивановны....

36) „Загадочный холмъ“ объясняется проще. Это было въ голодный годъ, когда въ Яновщинѣ Гоголь организовалъ „общественно-земляныя работы“; и когда въ саду дорожки были расчищены, все спланировано, то изъ оставшейся земли Г. предложилъ насыпать курганъ, на вершине котораго были посажены деревья. Деньги за работу платилъ онъ самъ („Посылаю пятьдесятъ р. серебромъ въ пользу страждущихъ... Всего лучшѣ, если бы раздача производилась въ виде платы за работы въ саду. Даромъ не долженъ человекъ получать—разве тогда уже, когда не станетъ силъ работать“. Изъ письма Г. 1849 г. къ матери).

37) Вл. Ив. Быковъ, впослѣдствіи мужъ Елиз. Вас. Гоголь. Его сынъ Ник. Влад. женатъ на внучке Пушкина, Марьѣ Александровнѣ, ур. Пушкиной. На группѣ представлена семья Быковыхъ въ 1901 году.

38) О браке о. В.—см. ниже, въ сообщеніи сына ея, Вас. Як. Головни.

39) о „страшномъ суде“ Гоголь услышалъ впервые отъ матери. Объ этомъ онъ вспоминаетъ въ одномъ изъ раннихъ писемъ (1833 года).—„На все“ я гля-дѣлъ безстрастными глазами. Я ходилъ въ церковь, потому что мнѣ приказывали, или носили меня; но стоя въ ней, я ничего не видѣлъ, кромѣ ризъ попа и противнаго ревѣнія дьячковъ. Я крестился потому, что видѣлъ, что все крестятся. Но одинъ разъ—я живо, какъ теперь, помню этотъ случай—я просилъ васъ разсказать мнѣ о страшномъ суде, и вы (т. е. мать) мнѣ, ребенку, такъ хорошо, такъ понятно, такъ трогательно разсказали о тѣхъ благахъ, который ожидаютъ людей за добродѣтельную жизнь, и такъ разительно, такъ страшно описали вѣчныя муки грѣшныхъ, что это потрясло и разбудило во мнѣ всю чувствительность, это заронило и произвело во мнѣ впоследствіи самыя высокія мысли“.

Позже его потрясла фанатическая проповѣдь о. Матвѣя Константиновскаго, роль котораго, впрочемъ, вовсе не была столь исключительною, какъ это думали біографы. Начала мистицизма заложены въ самой природѣ Гоголя, какъ и во всей его семьѣ.

Дополненія къ мемуарамъ О. В. Гоголь, составленныя В. Я. Головней (племянникомъ Гоголя).

Братъ сдѣлался идеаломъ всего добраго, хорошаго и даже святого; въ дѣтскихъ глазахъ О. В. онъ представлялся идеально-прекраснымъ, умнымъ и могущественнымъ; быть около него, изучать его привычки, выполнять малѣйшія его желанія—было для нея величайшимъ наслажденіемъ; любимымъ ея время провожденіемъ было—сидѣть или стоять подлѣ него и чувствовать иногда на своей головѣ его теплую, мягкую руку, прислушиваться къ звукамъ его чистаго, пріятнаго голоса, съ радостью улавливать какое-нибудь слово, особенно громко имъ сказанное, и любоваться тѣмъ впечатлѣніемъ, какое производили на окружающихъ его рѣчи.

Лучшія воспоминанія дѣтства у нея были неразрывно связаны съ воспоминаніемъ о возлюбленномъ братѣ.

Съ какой радостной улыбкой вспоминала она даже въ старости сохранившіеся въ ея памяти эпизоды изъ жизни брата въ Яновщинѣ, когда онъ пріѣзжалъ туда, еще полный надеждъ и вѣры въ себя и свои силы.

„Помню,—разсказывала она:—когда мнѣ было еще лѣтъ 10, братецъ подарилъ мнѣ стеклянное колечко, которое мнѣ очень понравилось. Я надѣла его на палецъ и все любовалась блескомъ его на солнцѣ. Когда сели обѣдать, я по обыкновенію помѣстилась подлѣ братца, чтобы слышать его пріятный голосъ, и мнѣ захотѣлось снять колечко и надѣть его на другой палецъ, но нечаянно я уронила его на тарелку; оно издало очень понравившійся мнѣ звукъ; но, очевидно, этотъ звукъ братцу показался очень рѣзкимъ—онъ въ это время велъ серьезный разговоръ, кажется, съ пріѣхавшимъ въ гости сосѣднимъ помѣщикомъ Чарнышемъ.

„— Оленька, перестань! —сказалъ онъ, прерывая свою рѣчь.

„Я спрятала колечко; но черезъ минуту мнѣ страшно захотѣлось снова услышать пріятный звонъ колечка, и я какъ бы нечаянно снова уронила его на тарелку.

„— Оленька, я тебѣ говорю, перестань, — строго сказалъ братецъ.

„Я спрятала колечко, но, когда убрали блюдо и передо мной снова очутилась чистая тарелка, я почувствовала непреодолимое желаніе снова услышать звонъ колечка—и снова пустила его на тарелку.

„Братецъ, молча, взялъ у меня кольцо и спряталъ его въ карманъ. „Когда гости разъѣхались, я подошла къ нему и робко попросила его: „— Братецъ, отдайте мнѣ колечко.

„— Не отдамъ, ты непослушная,—отвѣтилъ братецъ съ улыбкой, которая дала мнѣ смѣлость повторить мою просьбу.—Ну, поди возьми его въ гостиной на окнѣ,—сказалъ, улыбаясь, братецъ.

„Я побѣжала въ гостиную: тамъ на окнѣ дѣйствительно лежало мое колечко, но, когда я захотѣла его взять, оно разсыпалось на кусочки.

„Я со слезами возвратилась къ братцу и тихо-тихо сказала ему:

„— Братецъ, зачѣмъ вы его разбили?

„Ему, очевидно, сдѣлалось жаль меня, и онъ пообѣщалъ мнѣ купить другое, еще лучшѣе".

„Величайшимъ наслажденіемъ для меня,—разсказывала Ольга Васильевна:—было чѣмъ-нибудь угодить братцу, и въ этомъ отношеніи никто не могъ такъ тонко подмѣтить всѣхъ его привычекъ, всего того, что онъ любилъ и чего недолюбливалъ.

„Когда по вечерамъ или по утрамъ поваръ приходилъ къ маменькѣ спрашивать, что готовить на обѣдъ,—я всегда старалась не пропустить этого момента, чтобы подсказать матери, какое пирожное, какой соусъ, какіе варенички или галушечки любитъ братецъ, и маменька всегда удивлялась, какъ это я все такъ хорошо помню, а таблицы умноженія никакъ не могу заучить.

„Когда же мнѣ удавалось пришить пуговицу къ его сюртуку или жилету, то я чувствовала себя счастливою на цѣлый день. Тогда братецъ былъ большимъ франтомъ: у него всегда въ чемоданѣ было нѣсколько сюртуковъ, разныхъ цвѣтовъ, и цѣлая коллекція жилетовъ, онъ, видно, очень любилъ разноцвѣтные жилеты: какихъ только цвѣтовъ и изъ какихъ только матерій не было у него жилетовъ: и шелковые и бархатные, и зеленые и голубые, а однажды онъ привезъ съ собою жилетъ изъ очень дорогой золотой парчи, котораго однако почти никогда не надѣвалъ, а потомъ подарилъ его мнѣ, и я изъ него сдѣлала что-то для церкви.

„Во время своихъ пріездовъ въ Яновщину братецъ помещался во флигеле, въ комнатв съ балкономъ въ садъ. Въ этой комнате онъ ежедневно запирался отъ чая до самаго обѣда.

„Обѣдъ у насъ былъ всегда около часа, этого момента я поджидала съ величайшимъ нетерпѣніемъ, такъ какъ мнѣ принадлежало великое для меня право приглашать его къ обѣду.

"Я обыкновенно подкрадывалась къ дверямъ его комнаты, тихонько пріотворяла ихъ и просовывала туда голову, чтобы заглянуть, что онъ дѣлаетъ; братецъ очень часто шутливо ударялъ меня пальцемъ или перомъ по моему

длинному носу, а я, счастливая этимъ вниманіемъ ко мнѣ, произносила стереотипную фразу:

„— Братецъ, маменька просить обѣдать.

„Да, весело жилось тогда въ Яновщинѣ, когда къ намъ пріезжалъ братецъ веселый, спокойный.

„Но зато, когда братецъ уѣзжалъ, съ нимъ вмѣстѣ закатывалось для меня солнце радости; наступала мокрая, туманная осень, а за нею безконечная зима, съ длинными скучными вечерами, съ однообразным докучливымъ сматываніемъ и разматываніемъ клубковъ нитокъ, подготовляемыхъ для ткача, при тускломъ свѣтѣ сальныхъ свѣчей. Тоскливо, холодно, одиноко, неуютно“...

Самымъ любимымъ чтеніемъ Ольги Вас, конечно, было перечитываніе писемъ брата; сначала эти письма были заполняемы просьбами о высылкѣ различныхъ матеріаловъ: описаніе свадебъ, сватанья и другихъ обычаевъ, названіе различныхъ національныхъ костюмовъ и кушаній и т. п.; затѣмъ онъ писалъ много совѣтовъ и распоряженій по сельскому хозяйству. Но мало-помалу письма его начинали носить нравоучительный характеръ, онъ писалъ о жизни, о ея назначеніи, размышлялъ о томъ, какъ вести эту жизнь, чтобы приблизиться къ Богу.

Эти письма производили на Ольгу Васильевну глубокое впечатлѣніе.

Николай Васильевичъ поселился тогда въ Римѣ и пріѣзжалъ въ Яновщину очень рѣдко, но зато письма его были очень пространны и поучительны.

Въ памяти Ольги Васильевны живо сохранилась поѣздка съ братомъ въ Москву за сестрами, которыя уже окончили институтъ; братъ въ это время былъ уже совсемъ не такимъ, какимъ она его помнила въ дѣтствѣ: онъ мало разговаривалъ и почти всю дорогу не выпускалъ изъ рукъ евангеліе, которое онъ всегда возилъ съ собою. Это путешествіе на лошадяхъ очень понравилось Ольгѣ Васильевнѣ, главнымъ образомъ потому, что все время она сидѣла рядомъ съ братомъ, ухаживала за нимъ во время остановокъ, заваривала чай, слѣдила за вещами, приготовляла ему постель, за что получала отъ него благодарную, грустную улыбку.

Привезя сестеръ въ деревню, Николай Васильевичъ снова уѣхалъ въ Римъ, и пріѣзды его въ Яновщину сдѣлались еще рѣже. Но и эти рѣдкія посѣщенія родныхъ причиняли любящей сестрѣ больше горя, чѣмъ радости.

Никто съ такимъ страхомъ и волненіемъ не слѣдилъ за тѣмъ, что происходило въ скорбной душѣ великаго писателя, какъ безпредѣльно любящая его глухая сестренка.

Исчезла та беззаботная веселость, какую онъ иногда обнаруживалъ въ обществѣ сосѣдей, заставляя всѣхъ смеяться до слезъ; исчезли и та

самоувѣренность и спокойствіе, съ какими онъ отправлялся послѣ чая заниматься въ свой кабинетъ.

„Часто,—разсказывала Ольга Васильевна:—приходя звать его къ обѣду, я съ болью въ сердцѣ наблюдала его печальное, осунувшѣеся лицо; на конторкѣ, вмѣсто ровно и четко исписанныхъ листовъ, валялись листки бумаги, испещренные какими-то каракулями; когда ему не писалось, онъ обыкновенно царапалъ перомъ различныя фигуры, но чаще всего—какія-то церкви и колокольни. Прежде, бывало, пріѣзжая въ деревню, братецъ непрѣменно затевалъ что-нибудь новое въ хозяйствѣ: то примется за посадку фруктовыхъ деревьевъ, то, напротивъ, вмѣсто фруктовыхъ, начинаетъ садить дубъ, ясень, берестъ; часто онъ измѣнялъ расписаніе рабочаго времени для крѣпостныхъ, пробовалъ ихъ пищу, помогалъ имъ устраивать свое хозяйство, давая имъ совѣты. А теперь все это отошло въ прошлое: братецъ все это забросилъ и, когда маменька жаловалась ему на бездоходность своего имѣнія, онъ только какъ-то болѣзненно морщился и переводилъ разговоръ на религіозныя темы. Иногда, впрочемъ, когда ему удавалось хорошо поработать утромъ, онъ приходилъ къ обѣду веселый и довольный, послѣ обѣда онъ шутливо упрашивалъ свою тетушку Екатерину Ивановну пѣть подъ мой аккомпаниментъ малорусскія песни, причемъ и самъ подтягивалъ, притопывалъ ногой и пришелкивалъ пальцами. Особенно любилъ онъ старую пѣсню: „Гопъ, мои гречаники, гопъ, мои білі“. Въ эти моменты все въ нашемъ домѣ оживало: маменька улыбалась, въ дверяхъ появлялись смѣющіеся лица прислуги... Но эта вспышка веселости быстро проходила, братецъ, мрачный, подавленный, уходилъ въ свой кабинетъ.

„В эти послѣдніе годы своей жизни братецъ мечталъ о томъ, чтобы въ домѣ матери устроить нѣчто въ родѣ страннопріимнаго дома. Онъ хотѣлъ, чтобы каждый страждущій душой или тѣломъ находилъ здѣсь пріютъ, утѣшеніе и исцѣленіе. Ему хотѣлось, чтобы здѣсь человѣкъ, изстрадавшійся отъ недуга и, окружающей неправды и насилія, находилъ какъ бы оазисъ въ пустынѣ“.

Конечно, эти мечты казались сестрамъ-институткамъ чѣмъ-то совершено неосуществимымъ; не могла понять и принять этого страннаго плана новой жизни и Марія Ивановна, и только одна Ольга Васильевна понимала идею и скорбящей души брата, только она глубоко сочувствовала этой идеѣ и усердно принялась, по мѣрѣ силъ, помогать осуществленію ея на дѣлѣ.

Мало-по-малу между братомъ и сестрой установилась тѣсная духовная связь, поддерживаемая общимъ интересомъ, общимъ желаніемъ приносить посильную помощъ страждущему человѣчеству.

Жизнь Ольги Васильевны, такая печальная и одинокая, вдругъ сдѣлалась полной, интересной и сознательной. Раньше она не знала, куда дѣвать свое время, чѣмъ его убить, а теперь у нея не хватало дня для выполненія намѣченнаго.

Жизнь начала ей улыбаться, и только одно тягостное, тоскливое чувство отравляло, ея существованіе: братъ, безконечно, безпредѣльно любимый братъ, все болѣлъ да болѣлъ; письма его дѣлались все мрачнѣе мрачнѣе, онъ все чаще и чаще просилъ мать молиться о немъ, и наконецъ прислалъ извѣщеніе о томъ, что рѣшилъ ѣхать въ Іерусалимъ, чтобы тамъ у гроба Господня помолиться о ниспосланіи ему силъ для окончанія того великаго сочиненія, которое онъ такъ давно задумалъ и никакъ не могъ закончить.

Ольга Васильевна ожидала, что это далекое путешествіе возвратитъ брату душевное спокойствіе и прежнюю веселость и работоспособность; но какъ только пріѣхалъ въ Яновщину, - тотчасъ послѣ пребыванія въ Іерусалиме,—она съ перваго же взгляда на его осунувшееся, страдальческое лицо поняла, что эта поѣздка не только ничего не дала страдающему брату, а даже, напротивъ, еще болѣе ; подорвала его слабѣющія силы.

Николай Васильевичъ почти ни съ кѣмъ не разговаривалъ, и только разсказы Ольги Васильевны и ея аптека нѣсколько оживляли его; онъ очень внималельно разспрашивалъ ее о мельчайшихъ подробностяхъ ея жизни, полной хлопотъ и заботъ о больныхъ и страдающихъ душою. Передъ отъѣздомъ въ Москву Николай Васильевичъ подарилъ Ольге Васильевне палочку, вывезенную имъ изъ Іерусалима; съ этой палочкой она не разставалась до самой своей смерти.

„Потомъ онъ пріѣзжалъ къ намъ еще одинъ разъ,—разсказывала Ольга Васильевна:—когда ѣхалъ изъ Одессы въ Москву;—тогда онъ былъ уже совсѣмъ-совсѣмь больнымъ, и когда мы усадили его въ дорожную коляску и проводили путь, то я почувствовала, что больше мы его не увидимъ.

„И действительно, въ послѣднихъ числахъ февраля 1852 года мы получили известіе о его смерти.

„Что мы пережили тогда,—конечно, невозможно разсказать; но ужаснѣе всѣхъ эта потеря отразилась на мнѣ.

„Жизнь, которая еще вчера казалась мнѣ такой полной, такой интересной, вдругъ утратила всякій интересъ; я снова въ гораздо большей степени, чѣмъ прежде, почувствовала себя одинокой, безпомощной и несчастной. Цѣлые дни, цѣлые месяцы я просиживала на одномъ мѣстѣ въ какомъ-то полуоцѣпенѣніи; я совершенно утратила сонъ и аппетитъ; моя тоска, гнетущая, неотступная тоска не поддавалась никакимъ леченіямъ, никакимъ убѣжденіямъ и просьбамъ матери.

„Со смертью брата нашъ домъ, и такъ невеселый, обратился въ какой-то гробъ. Маменька, вся въ траурѣ, который она не сбрасывала до смерти, напоминала монахиню; прислуга ходила на цыпочкахъ и говорила шепотомъ, какъ будто бы въ домѣ былъ при смерти больной. Все замерло, все затихло“...

Ничто не могло утѣшить страдающую душу Ольги Васильевны.

Одно только наслѣдіе брата заставляло ее минутами забывать свое горе.

Слава о ней, какъ о хорошей лекаркѣ, уже успѣла широко распространиться среди населенія окружающихъ селъ и деревень. Къ ней попрежнему приходили больные, отъ нея попрежнему ожидали врачеванія и помощи окружающіе сельскіе жители.

Въ тѣ времена никакой медицинской помощи въ деревняхъ невозможно было найти; доктора попадались только въ городахъ, да изрѣдка у богатыхъ помѣщиковъ; впрочемъ, и эти врачи и фельдшера все свое леченіе основывали на кровопусканіи и піявкахъ.

Никто,—какъ шутливо говаривала Ольга Васильевна,—въ то время не мѣшалъ людямъ умирать, и умирать часто отъ самыхъ незначительныхъ заболѣваній.

Особенно часты въ деревнѣ были въ то время желудочныя заболѣванія. Люди питались плохо и крайне нерегулярно—то постились и сидѣли на одномъ хлѣбѣ и капустѣ, то вдругъ объѣдались свининой, арбузами или плохо выпеченнымъ пшеничнымъ хлѣбомъ. Кромѣ желудка, въ нашихъ деревняхъ очень часто приходится наблюдать тяжелую, считающуюся почти неизлечимой болѣзнь, которую въ народѣ называютъ „порухой". Порушиться—значить надорваться: отъ тяжелой, часто непосильной работы, отъ сильнаго напряженія при поднятіи тяжестей, происходитъ растяженіе различныхъ связокъ и сухожилій, и человѣкъ начинаетъ невыразимо страдать, чахнетъ, теряетъ аппетитъ, страшно худѣетъ и кончаетъ часто калѣчествомъ или смертью.

И эти два тяжкихъ бича деревенской жизни умѣла очень удачно врачевать Ольга Васильевна, снабжая при этомъ больныхъ безплатнымъ лекарствомъ. Естественно, что къ ней приходило множество больныхъ, въ особенности по праздникамъ, и ей волей-неволей приходилось забывать свое горе, чтобы услышать о горѣ и страданіи другихъ.

И эти чужія страданія залечили, наконецъ, душевную рану Ольги Васильевны.

Помимо медицины она начала изучать различныя ремесла, и въ особенности понравилось ей слесарное дѣло—она даже прослыла среди сосѣдей часовымъ мастеромъ, и ей часто поручали исправлять стѣнные часы, что она и дѣлала не безъ успеха.

Конечно, о замужествѣ она никогда и не помышляла; и даже когда съ ней заговаривали объ этомъ, она съ улыбкой отвѣчала: кто же возьметъ меня старую, глухую, калѣку и къ тому же бѣдную и некрасивучо".

Поэтому, когда къ Маріи Ивановнѣ сосѣдка привезла какого-то офицера Головню, который въ тотъ же день нашелъ возможнымъ просить руки ея младшей дочери („ему тогда кончался отпускъ, и потому онъ такъ торопился", — обыкновенно поясняла Ольга Васильевна, разсказывая исторіи

Эту тяжелую задачу, поглотившую всю жизнь, Ольга Васильевна выполнила, какъ умѣла, какъ могла. Дети окончили учебныя заведенія: дочь вышла замужъ, а сыновья были произведены въ офицеры и служили въ кавалерійскомъ полку.

Ольга Васильевна поселилась одиноко въ Яновщинѣ, полагая, что настало время ей отдохнуть и спокойно дожить свой вѣкъ.

Увы! Снова страшное, неожиданное горе постигло старушку: младшій сынъ привезъ ей ужасную вѣсть о томъ, что старшій ея сынъ Николай покончилъ жизнь самоубійствомъ,—сыну было только двадцать пять лѣтъ; но не успѣла старушка примириться съ этимъ несчастьемъ, какъ было получено другое, не менѣе непредвидѣнное извѣстіе—ея двадцатисемилѣтняя дочь скоропостижно скончалась послѣ родовъ, оставивъ трехъ малютокъ, которыхъ и привезли къ Ольгѣ Васильевнеѣ,—и снова состраданіе къ этимъ безпомощнымъ существамъ и новая, тяжелая обязанность выращивать и воспитывать малютокъ, не позволили Ольгѣ Васильевнѣ всецѣло отдаться постигшему ее, быть можетъ, самому тяжелому горю—горю любящей матери, теряющей своихъ взрослыхъ дѣтей.

Снова жизнь Ольги Васильевны наполнилась трудными заботами о выращиваніи малолетокъ, снова эти неизбѣжные спутники нашего дѣтства—скарлатина, дифтеритъ, корь, коклюшъ и т. под. Но Ольга Васильевна привыкла страдать, и эти безпокойства и огорченія были для нея совершенно ничтожны, сравнительно со всѣмъ тѣмъ, что ей пришлось пережить.

И эта задача была ею разрѣшена: она вырастила вторую семью—дѣвочки подросли, окончили учебное заведеніе и обе, съ общепринятой точки зрѣнія, очень удачно вышли замужъ.

Наконецъ, на склонѣ лѣтъ судьба какъ будто сжалилась надъ старушкой и снова обставила ея жизнь чрезвычайно полно и даже небезынтересно: ея единственный, оставшійся въ живыхъ сынъ вышелъ въ отставку и занялся хозяйствомъ и общественной службой.

Хозяйство пошло недурно, а земская служба доставляла много интереснаго-чѣмъ сынъ охотно дѣлился со своей старушкой, которая мало-по-малу сроднилась, такъ сжилась съ интересами сына, что положительно жила его жизнью; ея мозгъ, несмотря на преклонный возрастъ, работалъ превосходно, много читала, страшно интересовалась государственной и общественной жизнью и часто говаривала, что она на старости лѣтъ заканчиваетъ то образованіе, какое она не могла получить въ дѣтствѣ. Бѣдняжка и не подозрѣвала, какіе страшные удары снова готовила ей судьба.

Однажды, пьяная ватага захотѣла потешиться иллюминацией и подожгла скирду соломы, стоящую въ усадьбе Ольги Васильевны; у старушки еще съ прежнихъ лѣтъ осталась инстинктивная боязнь пожара; это стихійное бѣдствіе въ старину, когда не было страхованія, а все имущество заключалось въ вещахъ, считалось самымъ ужаснымъ и губительнымъ. Ольга Васильевна

была страшно испугана пожаромъ, и этотъ испугъ значительно ускорилъ тотъ процессъ, который давно уже постепенно разрушалъ ея бѣдное сердце.

Однако до самой смерти она сохраняла поразительную свѣжесть ума. Незадолго до смерти она прочла "Исповѣдь" и „Въ чемъ моя вѣра", Льва Никоаевича Толстого: эти произведенія великаго русскаго писателя произвели на ее чрезвычайно глубокое впечатлѣніе.

„Знаешь ли,—сказала она сыну, окончивъ чтеніе:—я до сихъ поръ совсѣмъ не знала и не понимала Толстого, онъ мнѣ всегда казался страшнымъ грѣшникомъ, и я очень безпокоилась, что ты его читаешь; но теперь я убѣдилась, что онъ очень, очень умный человѣкъ и многое понимаетъ гораздо правильнѣе, нежели мы".

Послѣдніе дни своей жизни старушка, несмотря на тяжкія страданія, вырывавшія у нея страшные стоны, внимательно сводила послѣдніе счеты съ жизнью; она роздала окружающимъ послѣднія крохи своего еще не розданнаго раньше имущества, а остатокъ маленькой пенсіи, которую она получала, какъ вдова майора, она чрезвычайно внимательно распределила на похоронные расходы.

„Чтобы никто не поплатился ни одной копейкой изъ своего имущества на мои похороны!"—завѣщала старушка; долго потомъ она еще придумывала, кому еще она осталась что-либо должна, и не имѣетъ ли кто что-нибудь противъ нея, но такихъ не оказалось.

До самой смерти Ольга Васильевна лечила больныхъ и даже на смертномъ одрѣ дѣлала распоряженія о томъ, какое лекарство дать больнымъ, которые попрежнему искали ея помощи.

Такъ закончила свою долгую жизнь, полную тяжкихъ страданій и самоотверженной христіанской любви къ ближнимъ, почтенная сестра великаго писателя русской земли.

(Болѣе полный некрологъ О. В. былъ помѣщ. въ „Нивѣ" 1908 г. въ № 6).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Прилагаемыя письма Гоголя относятся къ тремъ періодамъ: къ нѣжинскому, къ петербургскому и къ послѣднему году его жизни. Первое — къ родителямъ, второе — къ матери и третье — къ сестрѣ Ольгѣ Васильевнѣ, полученное ею незадолго до смерти Гоголя (въ декабре 1851 г.). На немъ рукою О. В. написано „послѣднее сокровище".

Кромѣ того, мы помѣщаемъ его молитву, составленную передъ поѣздкой въ Іерусалимъ и пересланную матери, а также два документа, имѣющихъ косвенное отношеніе къ Гоголю: дворянскую грамоту и квитанцію изъ нѣжинскаго лицея о полученіи денегъ за обученіе и содержаніе Николая Гоголь-Яновскаго.

Дорогайшая Родительница

Матушка Императрица

Долгое время неполучаю
Я отъ васъ никакого изве-
стія и начинаю уже думать
что вы нибудь потрев
жены. Ахъ какъ бы я же
лалъ что вы были въ совер
шенномъ здравіи небесные
лучи дай Богъ чтобъ онъ
принялъ Желаніе вашего
сына Которой навсегда
съ истиннымъ почтеніемъ

И преданностію навсегда
останется вашимъ по-
слушнымъ и
и покорнѣйшимъ сыномъ

Николай Романовъ

1821 года
Августа 26
Москва

Отрывокъ изъ письма къ матери изъ Петербурга 1831—2 г.

малютка новата Александра Федоровна которая отличалась
и тонкими достоинствами и всегда удивлялась, скорее в этом
случае сказать нам очень большую помощь, сказать ей что я при
лежно поцелую ее руки, исполнив много обязанности касательно фрейлины
моей. Но я в Британском Магазине отыщу, арфистку я
могу покупать, чуть только доставлять мне в одинаковую веру
тоже же часы повсюду из в руках его. — Хотелось бы опять очень тебя
милой сестрицы Марья Васильевна присылать его нибудь повидать
видеть немного, прохлаждая бодрость подтвердившая было меня проверить
Нет помощи еще больше истребленію делать, нужно только окончательно
разрывая то непрестанно вышлет заграничные дела. — что нибудь
Здоровы ли вы наши? Свидетельствуя мое почтение Дедушке
Скажите пожалуйста что его тифоид, кончает ли-конец? — Целуйте
Марья Ивановна, также кланяйтесь Матвеевна. — Ав заключение
всем добрым искренно вас любящим соседям. — Поцелуйте
Данилу Ивану, Сделайте милость прилагайте всевозможные
старанья обоспитания этого умного дитятки, отличное также то
предусмотрение опять предрекает что от него много горько сбудет
Засим Целую Вашу Ручку Остаюсь только что я она не пук....

Еще прошу вас Ивановна опять два Платьяки Малороссійскій Сарафан
Сверх собою. и Ленты и Парисской. Здесь также занимается всем:
ви малороссійское что я постараюсь попробовать нельзя ли сдержать по-
ставить на Большой Театр. Здесь покрайне порядок достается вы
лет хотя небольшой сбор; а полному мнению нечего надобно пре-
небрегать — пока нужно образовать знакомств. если в одной неудаче,
можно прибегнуть к другому, к другому, к третьему и так до тех
Самой мелочи чтобы сделать большую помощь —
Прошу вас также Ивановна что Ваш переписка наша
пойдет дружельнее — писать два раза в сутки одно обеде это
все наблюдения ваши того требуют

С почтением Поцелуем Вашей признательности
Сожалеющий любящий вас сын
М. Гоголь

Милой сестрѣ моей

Ольгѣ

послѣднее сокровище

Москва Декабрь 22.

Все собирался писать къ тебѣ милая сестра Ольга и всегда разными занятіями не удосуживался. Незнаю какъ благодарить Господа за Твое здоровье. Матушка Бога! Вѣрно молитвы святыхъ людей, которыхъ мы просили за нас молиться, причиной. Во всякомъ случаѣ нам слѣдуетъ сердечно благодарить Бога, благодарить его радостно, весело. Не быть радостну, не ликовать духом даже грѣхъ. По этому и ты не грусти, никогда не унывай не предавай в тоскѣ, но веселись беспрестанно в беспрестанном выраженіи благодарности и признательности, вся наша жизнь должна быть

непрерывной радостной пѣснью
благодарить Богу. О если бы сдѣ-
лать так чтобы и никогда
и времени недоставало для
всякихъ другихъ рѣчей, кромѣ
ликующихъ рѣчей вѣчной
признательности Богу. Жаль
мнѣ что Ан. Гр. плохо прочелъ
народу бесѣды Сельского свяще-
нника. Послушалисьбы прочелъ мнѣ твои
Курск. Ты его заставь прежде
дрочитать тотъ самый подр
тамъ предлогомъ что духовная
книга тебя самаго становитъ
гонимымъ когда читаетъ
не принявшій рукоположенія Св
Духа. Прочитавши сначала
тебѣ одъ въ другой разъ прочитъ
лучше народу какъ уже знакомо
За посадку деревъ тебѣ очень бла
годарю. За нашивки такъ
Весною если поможетъ Богъ
управиться совѣтами дѣлки-

дѣлами надѣюсь заглянуть къ
вамъ и можетъ быть опять
часть лѣта проведемъ вмѣстѣ
Какъ только совсѣмъ поте-
пло пришлю тебѣ семянъ для поѣв
ное какой огородины. За тѣмъ
поздравляю тебя съ Наступающимъ
Новымъ годомъ. Дай Богъ чтобъ онъ и
тебѣ и всѣмъ добрымъ людямъ
былъ въ радость и въ миловаше

Твой весь преданный
любящій братъ Ник

Я полагаю что Матушкѣ
нужно было весеннее лѣчеше
для перечистки крови и
уменьшенья ея воспалительности
отъ этого у нея пошли части
лихорадки. посовѣтуйся и
распроси у какого нибудь
умного доктора

Боже, содѣлай безопасным путь его, пребывание в святой земли благодатным и возвратя на родину щасливым и благополучным.

Прежде сердца людей напути и доставлению ему покровительство и восстановити тишину морей, укротив бурнае дыханье ветрів.

Тишину же души его исполни благодатными мыслей вовсе время дорогі его. Удали от него духа колебаній, духа помыслов смятенных и волнуемых, духа суеверій пустых примет и малодушных ~~предуприсмотрения~~ предчувствій. Ниспошли духа радости и бодрости.

Дух же твердости и силы и несокрушимой надежды в Тебя, Боже, всели в него! да окрепнет во всем и благоиз и угодно тебѣ!

Исправи молитву его и дай ему силу помолиться у Гроба Святого о братьях и кровных своих о всех людях земли нашей, о всей отчизне нашей.

О Ее мерном времени о примиреніи всего в ней враждующаго и негодующаго в ней, о водворении любви, и о воцареніи в ней Твоего Царствія, Боже!

Боже! не погляди на недостоинство его, но ради молитв наших, усердных горячих молитв возклаемых нами от глубины сердец наших и ради молитв людей тебе угодных о нем

Тебѣ молящихся, удостой его недостойнаго, грѣшнаго о семъ помолитъся и не возгнушайся принять ~~его недостойнаго и грѣшнаго~~ сердечныя прошенія его, прости ему зла

И сподоби его Боже вѣстать отъ Святаго Гроба съ обновленными силами. Съ бодростью и рвеніемъ возвратиться къ дѣлу и труду своему на добро земли своей и на устремленіе дерзновенія сердецъ ~~своихъ подражаній~~ к прославленію Святаго Имени Твоего.

ГРАМОТА

КІЕВСКОЙ ГУБЕРНІИ Отъ Губернскаго Предводителя Дворянства и Уѣздныхъ Дворянскихъ Депутатовъ собранныхъ для составленія Дворянской Родословной Книги данная Дворянину *Секундъ Маіору Афанасію Демяновичу Гоголю-Яновскому*.

Разсмотрѣвъ на основаніи Всемилостивѣйше пожалованной отъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА въ 1785 году Апрѣля 21 дня Дворянству Грамоты, предъявленныя отъ него *Гоголя-Яновского* О Дворянскомъ его Дворянствѣ Доказательства, признали оныя согласными съ предписанными на то правилами, въ слѣдствіе коихъ по силѣ *Семдесятъ Седмой* статьи объявленной Грамоты, онъ и родъ внесенъ, въ Дворянскую Родословную Кіевской Губерніи Книгу, въ *Первую* ея часть. Во свидѣтельство чего мы Губернскій Предводитель Дворянства и Депутаты во исполненіе Всевысочайшаго ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА соизволенія, дали ему сію Грамоту за подписаніемъ нашимъ, утвердивъ оную печатью Дворянского собранія Кіевской Губерніи *Октября 15* числа

Квитанція

Деньги двѣсти сотъ рублей государственными ассигнаціями слѣдовавшіе отъ Гомельскаго Асесора Василія Аврамовича Гоголь-Яновскаго, за содержаніе сына его Николая Яновскаго въ Пансіонѣ при Гимназіи высочайше покуда Князя Безбородко, на вторую половину 1-го года считая съ 1-го Ноября текущаго года, получилъ Директоръ оной Гимназіи Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Иванъ Орлей въ чемъ и даетъ сей ему Гоголь-Яновскому за своею рукою подписанной квитанцію. Деньги же 500 р. отдана исправляющему должность Казначея двѣ пригласить и въ кассу общей Казенной Гимназической суммы 1821 года Декабря 9

Директоръ Иванъ Орлей

Исправляющій должность Казначея
младшій Провизоръ Тарнавскій

59

Кіевъ, тип. Р. К. Лубковскаго.

Дана книга є передруком відомих мемуарів «Із родинної хроніки Гоголів» молодшої сестри письменника Ольги Василівни Гоголь-Головні, виданих в 1909 р. у Києві з коментарями Всеволода Чаговця.

Документально-публіцистичне видання

Із родинної хроніки Гоголів

Мемуари Ольги Василівни Гоголь-Головні

Передрук

Російською мовою

Художнє оформлення обкладинки – Руслана Анічина.
Верстка – Станіслав Хорєв.

Підписано до друку 15.04.2013 р.
Формат паперу 70x100/16.
Папір крейдований. Друк офсетний.
Ум. друк. арк. 9,4. Тираж 500 пр. Зам. № 6070

Видавець і виготовлювач ТОВ "АСМІ".
36011, м. Полтава, вул. В. Міщенка, 2.
Тел./факс: (0532) 56-55-29.

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи
серія ДК №3357 від 25.12.2008 р.